

The illustration depicts a woman in a futuristic space helmet, shown in profile. The interior of the helmet is filled with a vibrant, glowing landscape of a forest with blue and orange trees. The background is a dark, starry space with a large, curved horizon line, possibly representing a planet or moon. The overall color palette is dominated by deep blues, oranges, and blacks.

РОМАН КОРНЕЕВ

ФРОНТИР

Роман Корнеев

Фронтир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23932512

ISBN 9785448510359

Аннотация

Манипул Катрад продолжает вести свою нескончаемую космическую войну, но дома его ждут куда более важные дела, и однажды для Рэдэрика Ковальского настанёт пора вспомнить о том, что он Кандидат, и начать искать свою истинную судьбу, от которой теперь зависит будущее Галактики и её тёмных тайн.

Содержание

Избранный. Книга вторая	5
Глава I. Небесный гость	5
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Фронтир

Роман Корнеев

© Роман Корнеев, 2023

ISBN 978-5-4485-1035-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Избранный. Книга вторая

Глава I. Небесный гость

*За что мы сражаемся?
Возможно, за собственное право сражаться.
Контр-адмирал Молл Финнеан
3072 гТС*

*Наш мир – внутри нас
Надпись на монументе Павшим героям
«Инестрав-шестой»*

Прима в домашней обстановке ничуть не походила на себя в свете рамп. Мягкие босоножки, шлёпающие по тёплому дереву пола, спутанные, влажные ещё после душа волосы, старый полинявший халат и повязанный на талии толстый шерстяной шарф.

Дома.

Это место всегда было тихим и почти заброшенным, она никогда никого не звала к себе в гости, оставляя свой замкнутый мирок пребывать в состоянии нескончаемого, нет, не уединения – одиночества, в котором прима нуждалась иногда куда больше, чем в аплодисментах любящих зрителей. Это был её, только её дом, с замусоренным садиком

и тропинкой, спускающейся под сенью кривобоких лиственниц к крошечному круглый год затянутому ряской пруду. Здесь прошло её недолгое детство, и сюда же, когда ей исполнилось двадцать лет, она снова вернулась, осознав всю тщетность попыток сбежать от собственных страхов и сомнений.

Человечество привычно оставалось изо дня в день единым космическим организмом, живущим по своим правилам, и в этой звёздной карусели даже таким, как она, почти не покидавшим своего родного мира, был нужен уединённый уголок, в котором можно было укрыться от остальной вселенной и остаться наедине с самой собой.

Плотный график репетиций, выступлений и гастролей не позволял приме возвращаться сюда слишком часто. Два-три случайных дня, без людей, без нескончаемых живых глаз или искусственных зеркал, отражающих тебя каждый день, без спросу и без возможности от них скрыться. Пару дней вне постоянной необходимости оставаться в образе, забыв о бестелесном порхании в сказочных мирах, придуманных для неё драматургами и постановщиками. Пару дней абсолютной, глухой тишины.

Первым утром прима обычно просыпалась рано и вот прямо так, с мокрыми волосами шла в сад, почти до самого обеда совершая очередную попытку привести его в порядок – обрезать при помощи разбуженного к такому случаю гнома обломанные ветром ветви яблонь, окультурить разросшиеся кусты сирени, но надолго её энтузиазма не хватало – холод-

ный ветер с холмов навязчиво подсказывал, что трудиться тут можно хоть до ночи, только до костей продрогнешь и все руки исцарапаешь своенравными ветками, а обернись, и даже толики всех трудов не заметишь.

Приходилось, несолоно хлебавши, возвращаться в дом, который к тому времени успевал окончательно растерять холод и сырость необжитого помещения, да и трудолюбивый гном успевал растащить по углам затянутую в чехлы мебель. Поздний завтрак – огромный, увы, диетический омлет, поверх, в качестве вызова режиму, любимые с детства и страшно вредные для обмена веществ кольца изолийского лука, обжаренные в масле до румяной корочки, и напоследок некогда объект страшной ненависти, а теперь необходимый элемент ритуала – огромная чашка горького какао.

Теперь самое время забраться с ногами на диван и испытующе вслушаться в окружающую тишину. Здесь, дома, тишина была особая – обволакивающая, затягивающая в свои сети. Кажется, поддайся ей, и ты останешься здесь навсегда, но нет, прима помнила, что это невозможно.

Потому что стоило проползти сквозь ничего не деланье и размеренный шелест пульса в висках ещё несколькими часами, приму неизбежно начинало наступать первое чувство тревоги.

Можно было пытаться что-нибудь читать или слушать, можно было лечь и уснуть, момент возвращения знакомого чувства был неотвратим.

Откуда оно приходило здесь, где была отключена и надёжно заблокирована всякая связь с внешним миром, где не было никого и ничего, что могло бы потревожить её долгожданное уединение, а до ближайшего форпоста большой Галактики были часы лёта? Прима об этом не задумывалась.

Она в общем и не пыталась отдавать себе отчёта в собственных действиях, зачем именно в этот день, зачем – снова сюда, хотя для отдыха в её распоряжении были все вожделенные для многих работяг с галактических промкомплексов рекреационные зоны Изолии. Прима не привыкла подолгу копаться в собственных порывах, как всякий прирождённый творец, она жила в своих придуманных мирах, и другие ей будто бы и не были нужны.

Однажды заведённый порядок уже не мог никуда подеваться. Начинала работать непрощеная память, оттаивая сквозь корку наросшего льда. Едва небо укутывалось в саван закатных сумерек, прима, всё такая же беззаботная, начинала вспоминать.

Тогда, долгих десять лет назад, когда она была ещё совсем девочкой, в точно такой же тихий вечер привычное её выжидающее одиночество было прервано. И в тот день одиночество стало окончательным.

При живом (да живом ли?) отце, в толпе товарищей по студии, а потом и на вожделенных подмостках, невероятно юная даже для жадной до талантов Изолии прима стала раз и навсегда одинокой в тот день, когда узнала о гибели

мамы.

Эти проступающие на темнеющем небе звёзды, о, они знали, о чём можно напомнить.

Галактика уже столетия не была для человечества мрачным пустым внешним пространством, она стала для него тёплым и привычным домом, где промеж населённых миров и бронированных комических форпостов сновали миллионы кораблей, перевозящие ежемоментно миллиард человек, каждый из которых к чему-то стремился, что-то искал. Все они не канули в Галактику, как в вечность, трансгалактические перелёты были привычным делом, из любого путешествия, как бы оно ни затянулось, можно было в любой момент вернуться, с любым человеком, оставшимся позади, вновь повидаться, найти себе дом на любой вкус, а если не найдёшь, возвратиться в родной мир, чтобы остаться там или начать своё путешествие сначала.

Так же было и с её родителями. Они улетели, потом вернулись. Тогда же родилась она. А потом они не выдержали ожидания, и снова улетели, пропадая там сперва на месяцы, а потом и на годы, пока прима почти не забывала их лица, пытаясь понять, в чём виновата она, оставшись в одиночестве.

Пока она жила одна, её миром был танец, а когда однажды с этих сверкающих в небе звёзд вернулся только отец, прима поняла, что настало время окончательно смириться со своим одиночеством, и с этими звёздами, которых в Третью эпоху

некому уже было бояться, но было кому проклинать.

Десять лет прошло с тех пор. С отцом они виделись за эти годы всего пару раз, как-то неловко, на бегу, не понимая толком, о чём им разговаривать, общение с отцом и дядей Рэдом приме заменял этот их дом и многочисленные родственники мамы, такие же Творцы, как и сама прима, потому люди страшно занятые и поголовно витающие в облаках. К себе на Неону отец, наверное, навещался чаще. С его родными приму когда-то знакомили по случаю, но это было давно, и прима теперь даже толком не могла вспомнить их лиц.

Звёзды были для неё этими лицами. Прима вспоминала об этом каждый раз, возвращаясь сюда. Это было как наитие. То, чего не было, но оно раз, и стало.

Следующее утро было уже совсем другим.

Прима вспоминала длинные вечера, когда они вдруг оказывались втроём, а она была уже достаточно взрослой, чтобы это запомнить. Отец и мама разительно отличались от всего того, к чему она привыкла здесь, на Изолии. Их лица были суровыми и жёсткими, их движения походили больше на едва сдерживаемые силой воли удары, даже глядя на неё, их глаза таяли всего едва-едва, на самом дне, когда она бросалась к ним на шею, вызывая улыбки, но не смех. Смеяться её родители, кажется, с годами разучились вовсе.

Те, кто не умел смеяться, не задерживаются надолго на Изолии Великой, самом дурацком из миров человеческой вселенной. Их ждали звёзды.

Думала ли тогда будущая прима над тем, что однажды один из них может не вернуться, как не возвращались один за другим их боевые товарищи? Наверное, да. Ждала ли, что это наступит так скоро? Наверное, нет.

Творцы вообще редко смотрят на календарь и живут в среднем в полтора раза дольше обычного жителя Галактики. Для них двадцать девять лет, исполнившиеся prime пару месяцев назад – глубокая юность, для них десять лет, прошедшие со смерти мамы – ничтожный срок, за который не добиться примирения с этим свершившимся фактом, не отыскать решения, как жить дальше.

Нарыв воспоминаний на третий день обычно распухал так, что не помещался уже в её в голове, заполняя собой весь этот дом, выползая в сад, начиная загораживать сами эти звёзды, которые человек давно уже научился видеть и днём, и в пасмурную погоду. Потому что он не мог без этих звёзд.

А прима уже не могла оставаться с ними.

И тогда она бросалась из дома вон, убегала из него, не оборачиваясь, не пытаясь осмыслить, от чего бежит.

Этот дом напоминал ей, что однажды оттуда не вернётся и отец. И прима даже знала, кто именно принесёт ей эту весть.

Впрочем, уже пару дней спустя волшебная круговерть привычной для Изолии Великой бесшабашной жизни Творцов, истинных хозяев этого мира, начисто вымывала из памяти все лишние, ненужные ей воспоминания.

Она знала только одну жизнь – танец.

В танце могла она выразить любые чувства, от предельного горя до опустошающей радости, только это были заимствованные, чужие чувства, со своими она привычно расставалась, просто уходя и просто не оборачиваясь.

Приму ждал другой мир, где все эти звёзды звёзды – лишь декорация, где реальность возвращается на круги своя на следующем же представлении, где нет ничего невозможного, и вместе с тем всё предопределено другими людьми.

Прима уходила прочь.

До следующего возвращения.

5862 гТС

Галактика Дрэгон

Двадцать четвёртый Сектор

Северное Сгущение

Система СКС543

Планета 2-d

Планета была прекрасна. Её юные, а потому грандиозные горные вершины были укутаны голубыми снегами, из-под которых били двухсотметровые фонтаны гейзеров. Её неглубокие океаны были готовы принять в себя миллиарды тонн биомассы, качнись климатический маятник обратно и позволь местному светилу растопить ледяной панцирь вылизанных за миллионы лет вечной мерзлоты равнин. Насыщенность атмосферы кислородом напоминала, что под этими

снегами таится притихшая, но готовая в любой момент пробудиться жизнь. Юная невинная планета на периферии чужой галактики.

Невезучая планета.

Человек никогда бы не ступил сюда, если бы не цепочка несчастных обстоятельств. Если бы не тысячелетняя с перерывами война, если бы не сначала беспрестанно наступавший, а потом раз за разом всё глубже загоняемый в ловушку Второго Барьера враг. Если бы не вынужденное решение эвакуировать население ГД, оставив врагу кажущийся надёжным после потери родного дома форпост, который в итоге и станет для того могилой.

Столетия безраздельного властвования над окружающим пространством стали для планеты почти приговором – здесь не было нужды что-то целенаправленно уничтожать, но механоиды, не нуждающиеся в подобных колониях вообще, почему-то предпочитали в память о своём происхождении создавать промышленные комплексы и перевалочные базы именно на таких девственных живых планетах, предпочитая их мёртвым камням.

А потому теперь, когда враг уже столетие как был отброшен, экспедиционные силы Планетарного Корпуса КГС продолжали методично вычищать *испачканные* врагом планеты, пока Пространственные Силы космолота продолжали выслеживать и уничтожать затерянные в пустоте пространства разрозненные рои флотов Железной армады. Для таких пла-

нет, не имевших даже официального названия, была разработана стандартная процедура. Барраж с орбиты, потом поверхностная операция по уничтожению врага малыми силами. Так, чтобы после того, как всё закончится, на планете не осталось бы даже следа пребывания двух враждующих армий. Не сейчас, так хотя бы века спустя. Мгновение в истории Метагалактики.

Тотальный же конфликт убьёт эту планету навсегда, как убил многие до неё. А потому главной задачей орбитальной сети, плотным коконом окутывающей планету, был ежедневный мониторинг активности оставшихся без поддержки из космоса сил врага. Любой его шаг – выбросы нанотехнологических облаков оборонного или атакующего назначения, перемещения крупной техники, состояние и активность мобильных вооружённых комплексов, скорость извлечения и переработки полезных ископаемых, всё это плотным информационным потоком в виде тактических и аналитических отчётов лилось вниз, в командный комплекс.

Для узлового мозга орбитальной группировки враг представлял собой переменную плотности серую кляксу на чистом снегу. Эта клякса, как гигантское простейшее, жила своей жизнью, переваривая стороннюю субстанцию в живые соки, накапливая силы для нового броска в бой за пищу и пространство, а если позволят условия, то и для успешного деления. Как и у всякой жизни, пусть и чудовищно извращённой, у механоидов уничтоженной микрогалактики R-x

была одна ключевая функция – распространение. Враг был злокачественной опухолью на теле Ближайшего Скопления, но опухолью почти разумной. А потому обладающей, помимо инстинкта самосохранения, ещё и способностью к самопожертвованию ради главной цели. Целью этой почему-то были люди.

Другие расы воевали с механоидами врага тысячами, ограничиваясь редкими стычками в пространстве. Но Старую Терру враг некогда уничтожил целенаправленно и безжалостно. И потому с приходом человека на межгалактический театр военных действий война, открытая и тотальная, стала неизбежна. В неё были втянуты все известные расы, локально же она сейчас выглядела вот так – серебр следил за врагом, чтобы враг, осознав вдруг себя загнанным в угол, не попытался сделать эту планету непригодной к обитанию, уничтожив её вместе с собой.

Любой скачок радиационного фона или попытка запустить достаточно высокоэнергетическую установку, работа которой могла иметь тотальные последствия, тут же вызвали холодный и расчётливый удар с орбиты, выжигавший на поверхности километрового диаметра круг, блестящий, как стекло. Шрам на лице планеты. Малое зло ради предотвращения большого.

Это была игра в кошки-мышки.

Врагу позволяли думать, что у него есть шанс. Кажущаяся малость противостоящих ему сил позволяла ему рассчиты-

вать на возвращение, на отложенную победу.

Если планета после длительной колонизации роботами ещё оставалась пригодна для жизни, значит, это был периферийный анклав, неважный и ненужный, стоящий поодаль от основных трансгалактических спиралевидных трасс, а значит, оборона его была слаба, и этот расклад сил не изменится, если не давать врагу передышки. Отработав с орбиты по основным целям, развесив над планетой орбитальную группировку и накачав оборонительный щит, КГС удалялся, оставляя на поверхности соединения величиной максимум в гвардейский Легион. На большее у человечества не было сил, слишком много планет, слишком мало людей. Флот же улетал прочь, добивать врага в его логове – вечной пустоте космоса.

Там же, где есть хоть один человек, должен править только он. Потому церебр орбитальной группировки ежесекундно был занят одним – обеспечением тех, кто сражался внизу, информацией.

Между тем боевые действия на поверхности то затихали, то разгорались с новой силой, а то словно исчезали вовсе, погружая планету в давно позабытую ею тишину. Две крошечные кляксы на снегу, серая и зелёная, замерли друг напротив друга перед очередным броском.

Легион никогда не затихал.

Вели свою безостановочную переключку дежурные по-

стов, ремонтировался парк боевых машин, гудела столовая для гражданского персонала, напряжённо звенел стратегический канал связи, но Капитан Алохай всегда мог различить, когда под *n-фазными* куполами наступало своеобразное перемирие. Всё то же самое, не меняющееся годами движение людей и машин, но вот именно в эту секунду не происходит ни единого боестолкновения, персонал дежурных смен сведён к минимуму, как будто и не осталось в нескольких сотнях километров отсюда готовых к бою оборонительных комплексов врага, будто и войны никакой нет. Капитан Алохай особенно ценил подобные мгновения именно здесь, в десятках парсек от ближайшего человеческого форпоста, в полном одиночестве, наедине с таким слабым и одновременно смертельно опасным врагом.

Мгновения, когда можно никуда не спешить, когда все указания сделаны, все планы составлены, осталось только лечь, да спокойно поспать или почитать чего-нибудь, или послушать.

Именно в такие моменты командир перестаёт, наконец, бежать наперегонки со временем. И только в такие моменты, когда никто не видит, он имеет право расслабиться и спокойно подумать о своём, а не о боевом духе Легиона или пополнении запаса боеприпасов и спецсредств. Победа, она иногда скрывается и вот в таких вот праздных мыслях.

Да и что она, вообще, такое.

Захваченный промцентр врага – это победа, уничтожен-

ный транспорт – это тоже победа, но ведь спасенный человек ли, *ирн* ли, житель Галактики Дрэгон или великолепный *летающий* – тоже победа, а вот слезы матери и кровавая роса на снегу – всегда, абсолютно всегда поражение.

Как много было в его жизни поражений, иногда садишься и начинаешь вспоминать поимённо. Юлю Маример, сержанта Интенда, реал-капитана Сориджа, манипул «Тинао» – прежних Капитанов Северного Легиона Белых Тигров. Других воинов, бывших их родными, друзьями, подчиненными, просто служившими с ними бок о бок под одними небесами. Их было много – случайных и, что страшно, неизбежных жертв этой войны, которая официально завершилась без малого сто лет назад.

Уходили друзья, уходили сослуживцы, уходили просто незнакомые военные, молодые парни и девушки, уходили с готовностью, сражаясь за освобождение планет далекой Галактики. От них этого требовало понимание своей собственной роли в этой реальности. А что оставалось тем, кто *не ушёл*? Вспоминать хоть иногда, если выдастся время.

Шла война, как её ни называйте, война неотвратимая, жестокая, смертельная. И Капитан Алохаи отлично знал, что это в первую очередь их война. Не чужая и далекая, но именно своя. Много лет она бушевала очень далеко, но снова и снова давала о себе знать, огненными буквами пылали названия в мемориальных списках Совета Вечных: Терра, Новый Вавилон, Мария, Сирилен... им нет конца, не дочита-

есть эти страшные строки, не хватит сил, но последний мир, Пентарра, был в истории Капитана Алохаи особенным, поскольку рядом с ним постоянным напоминанием, тенью прошлого, никуда не девался со-командир Легиона, второй и последний оставшийся в живых боец манипула «Катрад» Капитан Ковальский.

У них обоих, как и у человечества в целом, была хорошая память на подобные трагедии. За долгие тысячелетия своей галактической истории впервые появилась настоящая возможность прекратить эту вселенскую войну, начала которой уже никто толком не помнил. Прекратить навсегда. Поэтому жители многих сотен миров становились в строй, поэтому гигантские трансгалы летели сквозь огненные недра иной проекции в сторону Галактики Дрегон, ставшей последним оплотом бездушных машин, поэтому продолжалась бесконечная война.

– Мы слишком близко к Барьеру, каждый раз вздрагиваю, когда начинает работать внешний канал, – проворчал Алохаи. – Скорее бы они начали сдвигать его к внутреннему синусу, как подумаю, что мы до сих пор от них в полупрыжке... Одно радует, планета эта им не нужна вовсе, их группировка снялась, только наши показались. Оставили всё, что внизу, не оглядываясь.

– Радуйся, что почти нечего было оставлять. Нам меньше работы. А по поводу Барьера... после операции свяжись с Флотом. У меня есть что им сказать, – Капитан Коваль-

ский полулежал в кресле и рассеянно чертил на эрвэ-панели нечто сюрреалистическое. Было похоже, что он уже выбросил из головы детали плана и отвлечённо углубился в собственные мысли.

Легион мог начинать праздновать, когда тот выглядел вот так. Спокойно, уверенно. Когда взгляд расслабленно скользит, а не впивается тебе в лоб прогоревшим орудийным стволом.

«Редкость. Странно все-таки, – подумал Алохаи, – столько лет мы друг друга знаем... полвека уж. А Рэд почти не меняется. Словно застыл в одной позе, с одним выражением на лице, разве что раз в полгода словно снова становится человеком. Как он умудряется так жить?» И кажется ведь порой, что вот оно! Очередной оборот уж изменит, распрямит ту внутреннюю пружину, что гнет его уже столько времени. Ан, нет. Проходит время, и он опять замечает этот ненавидящий взгляд, направленный во тьму внешнего мира, раскинувшегося за оболочкой купола. И снова появляется на свет та проклятая эрвэграфия.

Хотя, за столько лет можно было бы и привыкнуть, если тебя попросят, будешь давать советы, а лезть в чужую душу без спроса – это вы как-нибудь без нас. Своих проблем по горло.

Теперь, когда на нём, как на Втором Капитане, лежала основная часть забот об обеспечении безопасности личного состава, он волей-неволей вспоминал их прежнего Второго

го. Тогда ведь думал – бог-вседержитель, выручающий парней в таких переделках, что и не сразу сообразишь, глядя на мельтешение тактической виртпанели, что происходит. Капитаны были стеной, за которой каждый воин Легиона чувствовал себя увереннее. Но однажды капитанский манипул сам попал в передрагу.

Это было на просторах очередной *санитруемой* планеты, такой же безымянной, как и та, за которую сейчас сражался Легион. Под перекрестным огнём возникших словно ниоткуда мобильных зенитных модулей-платформ врага оказалось целое Крыло, уже изрядно потрепанное, со слабеющей каждую секунду защитой, и тогда Капитанский Отряд выдвинулся им на выручку. Дальше всё произошло так быстро, что даже уцелевшие в том пекле бойцы не могли толком ничего рассказать, только бездушная техника с нечеловеческой точностью зафиксировала случившееся.

По завершении незапланированной контратаки фронт движения машин Легиона и звеньев штурмовой бронепехоты растянулся на расстояние более тысячи километров, случился просчёт из тех, за которые приходится дорого расплачиваться – в ответ по центру фронта машинами был нанесён не спрогнозированный удар такой мощности, что всё полетело кувырком.

Расчет Капитанов тогда был прост: мощными фланговыми ударами четырех Крыльев, наименее вымотанных в боях, нужно было смести механоидов с материка, отрезать их

группировку от основных баз, а затем вычистить всё, что от них останется. Потрепанному же Первому Крылу доставалась работа проще – отбивать разрозненные части врага под собственный заградительный огонь, в центр огненного «ежа», но внезапность атаки решила исход сражения, роботы потеряли всякую возможность продержаться до прихода своих подкреплений с другого полушария планеты, но зато, быстро сгруппировавшись, разом отсекали центральные Отряды от остальных. Они теряли все островные и подводные колонии, они теряли планету, массивированная стратосферная обработка последующих трех недель и финальная атака довершили дело. Но они и не позволили тем самым людям, загнавшим их в угол, по-настоящему победить.

Враг знал, насколько их противник ценит жизнь.

Первый и Второй Капитаны оставили тактическое управление на них с Ковальским, командовавших тогда Вторым ударным Крылом. Капитан Алохаи вспомнил, как фланги, ведомые их приказами, сминали, рвали врага. Но было поздно.

Оба Капитана погибли, пытаясь огневой мощью штурмовиков Капитанского Отряда прикрыть парней из Крыла реал-капитана Сорижда. Как до того погибла в бою Юля, их с Рэдом Юля, некогда третий и последний боец манипула «Катрад». Как погибли многие до и многие после.

Та планета была очищена, дальше – Система, всё Сгущение, целый Сектор ГД. А Легион Белых Тигров после ряда

успешных операций в различных уголках чужой Галактики перевели сюда, они же с Рэдэриком уже восемь лет оставались его бессменными командирами, а он, теперь уже Капитан Алохаи, продолжал учиться быть таким, каким были его прежние Капитаны.

Он часто спрашивал себя, почему тогда не смог спасти своих товарищей, да и просто дорогих ему людей, всех тех, кого теперь можно только вспоминать.

А действительно, почему? Только ли потому, что другие ждали от него действий, от решительности которых тогда зависело категорически всё, очередная победа или поражение, но только не жизнь Сорижда, Интенды, Капитанов и Юли. Вот почему.

В такие минуты хочется прожить жизнь сначала – уговорить Юлю не идти после увольнения из Контроля в Планетарный Корпус, а остаться дома, как они и планировали. Почему она тогда решила продолжать служить одиночкой в Капитанском Отряде, а не поступать снова в кадеты вместе с ним и Ковальским, наконец, просто не лезть тогда в это пекло... Многое можно было попробовать сделать. Но разве сделало бы это Юлю счастливой, такой ли она бы осталась, какой он её помнил – восторженно разглагольствующей с каким-то сержантом о тактике ведения приповерхностного боя, до третьего пота не слезавшей с тренажёров, яростным голосом кричавшей в эфир: «Иду, держитесь!» Наверное, нет. Она была счастлива не только с ним, не только дома

с родными, она была солдатом. В этом содержалась большая часть её счастья. С этим ничего не поделаешь, но как объяснить это другим, как объяснить это себе?

Юли нет, а с дочерью он толком не разговаривал уже года три. Ржавый гвоздь в сердце. Не хватает сил вынуть, коснешься как-то – и руку отдёнешь.

Ему семьдесят один год, он уже сорок шесть лет в Десанте, когда-нибудь они с Ковальским уйдут в вышкомсостав Майорами или в небоевые службы, преподавать боевую тактику кадетам, или еще куда.

Но это ещё не скоро. Сейчас они – командиры Легиона, и они с Рэдом должны думать только о двух вещах – как выполнить приказ и как сберечь людей.

Мысли Капитана Алохаи постепенно вернулись на обычную для него деловую волну. Вдруг вспомнилось, что запрос на дополнительную поддержку Пространственных Сил он так и не подписал и не отправил, да и минус первый транспорт с боеприпасами почему-то не содержал необходимых агрегатов. Некогда отдыхать.

Мысли Капитана Ковальского, несмотря на его отвлеченный вид, так далеко не улетали. Командир плоть от плоти – он не позволял себе расслабляться полностью даже в приватной обстановке личной каюты. Отвлеченные рассуждения только выбьют из колеи, а дел ещё так много, Капитан Ковальский всё свободное время был в работе.

Вот и сейчас, когда его ладони свободно скользили по сен-

спанели, выводя непонятно с чем ассоциирующиеся изображения, похожие то на очертания кораблей, то на раструбы стволов чудовищных орудий, его мозг напряженно работал. То, о чём заговорил Капитан Алохаи, не давало ему покоя.

Они всё ещё были слишком близко расположены к условной границе контроля КГС и союзников. Из-за этого миссия на вверенной им планете продолжала представляться крайне опасной. В любой момент их мог настигнуть прорыв вражеского флота – и тогда хорошего не жди. Сил не хватало, огневая мощь Легиона позволяла успешно противостоять местному гарнизону врага, но отнюдь не его регулярным войскам и флоту Железной армады. Именно поэтому целые эскадры кораблей МГД – и громадные «Сайриусы» людей, и игрушечные «ладьи» ирнов, трансгалы жаждущих вернуться на забытые уже старые свои миры жителей Галактики Дрегон и *Клин* цивилизации Тсауни продолжали барражировать вдоль возводимого субпространственного Второго Барьера, за которым всё ещё скрывалось слишком много не обезвреженных флотов неживой цивилизации.

Случались и неожиданные прорывы. Потому не оставалось ничего, кроме как всегда оглядываться, составляя планы завтрашних боев, и чаще смотреть на небо.

Нежный купол небес девственной безымянной планеты.

Постоянно ловя себя на подобных мыслях, Капитан Ковальский вновь и вновь посылал запросы в ГКК, требовал предоставления дежурных боевых кораблей среднего класса

хотя бы из резервов КГС, клянчил технику, просил боеприпасы, оборудование и просто тихо молился небесам в те дни, когда флот Пространственных Сил с рёвом пронёсся над ними по ночному небу – в те редкие дни, когда он действительно был уверен в силах Легиона.

Всё это было тем пятном на солнце, что мешало ему жить. Тактическое командование было талантом Джона Алохаи. Владелец скорее стратегического мышления, Ковальский планировал операции, вырабатывал вводные к масштабным рейдам и был доволен, только обозначив действия Легиона далеко на будущее.

Сейчас же, когда действия на планете подходили к своей решающей стадии, Капитану только прибавилось головной боли. Условная линия огневого соприкосновения растянулась на тысячи километров, заметные расстояния от основного расположения войск до форпостов врага сводили на нет всякую возможность внезапной атаки даже при поддержке со стратосферы. Враг всё глубже вгрызался в грунт, становясь недостижимым с воздуха, и уже не раз самые впечатляющие планы, разработанные Капитанами совместно с командирами Крыльев, рассыпались в прах даже в ходе кабинетных учений, не выдерживая никакой критики.

Капитан резким движением свернул виртпанель и вздохнул.

Вот уже несколько сотен местных суток как война на планете выродилась в разрозненные налёты, стычки в возду-

хе, дальнюю контрбатареиную борьбу, битву противоракет. Ночное патрулирование стало единственной для парней возможностью встретиться с врагом на ближней дистанции. Это изводило Капитана Ковальского сильнее всего.

Требовалось перенести Базу поближе к боевым порядкам, временные форпосты не справлялись со своим предназначением, так как не обладали ни обороноспособностью, ни вместительностью, ни ремонтными мощностями, необходимыми полноценному плацдарму для дальнейшего наступления. Однако постройка новой Базы – это время, тогда как командование постоянно требовало ускоренного завершения операции – Северный Легион был нужен в десятке других мест. В Сиреневой Армии ПК КГС их «Белые Тигры» исполняли роль подразделения последнего резерва, отправляемого в самое пекло затыкать бреши в чьей-то обороне. Или спокойно ожидающего срочного вызова на второстепенных направлениях, вроде этой безымянной планетки.

Именно потому времени не было. И именно потому Капитан Ковальский постоянно искал пути, которые привели бы компанию к завершению. И решение пришло.

В паре сотен километров от современной условной линии соприкосновения находилась, по данным сейсмической разведки, система карстовых пещер, причем некоторые из них достигали поистине впечатляющих размеров – стоило их занять, немного расширив и прикрыв проходы, как разом решалась проблема обороны, естественные укрепления вы-

держали бы даже среднемогущую орбитальную атаку, минус недостаток свободного места, плюс удобство для дальнейшего наступления, предоставляемое местностью.

Применение же к этому новому форпосту зарядов гигантской мощности, даже если таковые были в распоряжении врага, по причине непосредственной близости к их собственным промзонам неминуемо нанесло бы самим роботам непоправимый ущерб – вторичной радиации их тончайшая квантоптоэлектронная начинка боялась не меньше, чем человеческая плоть.

Решение было принято. Несколько дней назад два манипула из Крыла реал-капитана Руссо там побывали, полностью подтвердив данные разведки. План переброски они с Джоном составляли добрых семеро здешних восемнадцатичасовых суток кряду, осталось дожидаться подтверждения с «Инестрада-шестого», а пока...

Когда приказы сделаны, все возможности учтены, предварительная подготовка проведена, инструкции командирам прочитаны, и когда абсолютно нечего делать, тогда Капитаны снова могут стать обычными солдатами, ждущими, когда наступит время пойти в атаку.

Кенстриджа пулей вынесло из люка в холодный полумрак холла. В этом крыле Девятичасового пилонa традиционно экономили на климатизаторах. Ради кого стараться? Ради него одного? Он потерпит. А так, пусть сюда забортный ва-

куум, местные обитатели не сразу заметят.

В отчётные дни, когда он и его горемычная команда собиравались вместе на КБ «Сайриус», реже на «Инестраве-шестом» или Новой Базе СПК, и спешили привести свои традиционно запущенные дела хоть в какое-то подобие нормы, Кенстридж себя ненавидел сверх обычного. Себя и свою так называемую работу.

Инвестигейтор вообще – призвание не для слабых духом или стремящихся к особой мирской славе, но конкретно их, вычурно выражаясь, сфера интересов проникала порой в столь затхлые уголки человеческого социума, что иначе как копанием в чужом грязном белье всё это называть не получалось.

У Галактики были свои тайны. Точнее, какие тайны, было бы желание, всё лежало и лежит на ладони, только все спешат, наткнувшись на нечто подобное, скромно удалиться и поплотнее прикрыть за собой дверь. В иных уголках этого космического лабиринта попахивало. Чужой болью, смертью, кровью. Эти тайны смердели. И с ними приходилось разбираться Кенстриджу. Потому что Вечным не успеть всё самим. А потому он с ребятами продолжал разгребать, подшивать в дела и приносить всё это на доклад. Когда раз в полгода, когда раз в пару стандартолет, а когда и чуть не помесечно мотаясь на «Сайриус» и обратно.

А ещё ему приходилось общаться с ними. Вечными. Силовым и интеллектуальным узлом Галактики. И каждый раз

клясть себя за человеческую слабость, за неумение хотя бы объяснить, не то чтобы заставить поверить в верность его рассуждений насчёт всего этого.

И каждый раз его идеи оказывались давно пройденным этапом, съеденным вчера завтраком, переваренным и исторгнутым за ненужностью.

Он вечно опаздывал.

От осознания этого становилось особенно тошно.

Так. Кенстридж встрепнулся, продолжая ругаться уже сквозь зубы. Нужно проветриться. Никуда сегодня не ходи, ничего пока не предпринимай. Тебя опять натыкали носом в собственную ущербность. Нет, сделали они это со всевозможным тактом, даже с любовью, и обязательно показали, как ценно его мнение, как они его обязательно примут во внимание, даже уже приняли. Нет, человек с Избранными должен общаться на равных. То есть издали, как с собственным отражением. Делясь, по возможности, общественными настроениями, коллективными страхами и массовыми устремлениями. С ними нельзя разговаривать вот так, напрямую. Так камень может пытаться беседовать с водопадом.

Нельзя, а приходится. Ну и к тьме всё это.

Было бы желание, они бы его поняли.

Было бы желание.

Транспортная лента в полном одиночестве уносила Кенстриджа в сторону центральных секторов, где проживало ку-

да больше личного бессознательного и куда меньше коллективного сознательного. За вторым поворотом, когда гравитационный диполь стал почти равномерным, перестав выделять чудеса с чувством горизонта, показались первые люди. На титанической искусственной конструкции, населённой миллиардами людей, оказываться вот так в одиночестве – было отдельным поводом для стресса. Да и воздух потеплел и перестал отдавать голым металлопластом.

Нет, правда, сегодня больше никаких дел. Сходим в дендрарий, выпьем там в публичном пищевом дворике чего-нибудь максимально полезного, какую-нибудь жутко диетическую органику с тонной витаминов, аминокислот и прочих микроэлементов, помашем рукой в зияющую между сверкающими пилонами пустоту, а потом пойдём топиться в ближайшем эко-пруду.

Кенстридж криво ухмыльнулся собственной дурацкой остроте. Даже шутить уже разучился, так скоро вконец человеческий облик потеряешь.

Перебравшись на «магистраль», он уселся в свободное кресло и принялся из его глубин насуплено приглядывать за окружающим кипением жизни. Вот солдатик разodelся в парадное – это он так в отпуск. Возвращаясь в расположение, обычно одеваются в буднее, и лицо делают волевое. Этот сидит, расхристанный, счастливый, соскучился по домашним.

А вот деловая барышня из типичных внепланетников. Го-

лова коротко стрижена, кисти рук расслабленно брошены вдоль тела, глаза стеклянные, как неживые, что-то она там у себя в голове просматривает, или разговаривает с кем. Галактическая карьеристка ГИСа. Этим подавай побольше точек опоры, и они свернут столько миров, до скольких дотянутся, попутно повергнув к ногам восхищённого человечества всех старых колоссов на глиняных ногах. Купается в своей стихии. Однажды эти купания закончатся, как всегда, не в пользу пловца. За свою карьеру он много подобного насмотрелся.

Интересно, а сам Кенстридж как выглядит со стороны? Что можно подумать об этой безумной шляпе, помятом костюме и бесконечной злобе в маленьких глазках, затравленно бегающих между прищуренных век? Впрочем, Кенстридж себе традиционно льстил. Скорее всего, он похож на подзаплуталого, слегла обалдевшего от окружающих грандиозных красот туриста с периферийной планетки. А злобу эту в его глазах могли разглядеть только самые ушлые из коллег да его сегодняшние визави. Он был зол на себя и он был зол на Галактику. Он был слишком глуп, она была слишком несправедлива. Традиционный, годами и десятилетиями сформированный комплекс инвестигейтора в его крайних проявлениях.

Если бы на его место была бы готова замена в хоть чуточку лучшей кондиции – он бы усвистал в отставку, только инверсионный след бы растаял. Но у других его ребятки дела

были ещё хуже. А потому – сиди и трудись.

– Барышня, вы сейчас пропустите свою переборку.

Не выдержал, наблюдательный ты наш. Всегда одно и то же.

Девушка сперва ошарашено распахнула глаза, которые как-то разом стали живыми и даже симпатичными, потом открыла рот, потом всё-таки сориентировалась на местности и соскочила. Как раз, чтобы не пришлось с ней объясняться. Некоторые привыкшие буквально во всём быть досконально информированными люди странно реагировали на чужую осведомлённость.

Зачем тебе это надо, Кенстридж? Ну моталась бы потом она в обратную сторону ещё двадцать километров, вот персонально тебе до этого какое дело?

Будем считать это разминкой, чтобы не терять навыка.

Бредовое объяснение нелогичному поведению.

Кенстридж окончательно махнул на всё рукой и принялся сосредоточенно лицезреть традиционно грандиозный, но вечно однообразный простор внутренних полостей периметральных направляющих «Сайриуса». Только преобладающие цвета от пилона к пилону меняются. Здесь царил технократический металл, всё поблёскивало, переливалось, беззвучно носилось и скользило, удачно оттеняемое той самой чернотой снаружи.

Отвратительно. Нет, должной созерцательности сегодня не добьёшься.

Пойдём и правда перекусим.

«Сайриус», как и всякая столетиями обживаемая КБ, успел пропитаться своеобразной сетью потайных местечек для знатоков и завсегдатаев. Или гостей знатоков и завсегдатаев, или просто любопытствующих, вечно сующих свой нос куда ни попадя. Впрочем, откуда человеку случайному знать, что вот здесь банальная автоматика разогревает или что там, нарезает всем желающим традиционное меню из усреднённой галактической «диетической карты», есть можно, но и только, особенно если ты только «снизу», как внепланетники традиционно именовали поверхность любого из сотен миров Галактики, но зато соседний закуток на границе фитозоны, ничем не отличимый от прежнего, окажется просто кладезем для гурмана.

Здесь, в одиннадцатичасовом пилоне Кенстридж знал сразу три таких точки, и со временем планировал поискать ещё. Удачно выбрал «магистраль», как будто заранее подгадывал, тут от терминала даже пешком – минут десять, не больше. Заведение именовалось для понимающих «Пасена», и подавали тут, помимо привычных банальностей (скривившись и пнув автомат-раздатчик) вроде картофельного пюре со свининой – блюда настоящие, приготовленные с пониманием, любовью и мастерством виртуоза. Форель под ягодным соусом, острые фаршированные блинчики сельтена под ляхуа, грудинку с бататом, лакуас для желающих по-поститься и чича для желающих наоборот, приналечь после

трудов тяжких. Забавно, что как раз пасену здесь не разливали, считалось, что «этот консервированный воздух» ничего хорошего не родит, хоть сколько разводи специальную микрофлору. Впрочем, Кенстриджу таких пищевых изысков и не требовалось. Ему сейчас хотелось красоты визуальной.

Стоило грузной фигуре в дурацкой шляпе показаться между зелёных кущ, из своей каморки тут же высунул свой любопытный нос Моралес. Себя он считал чистопородным гуарани, не без основания, уж шнобель-то у него был настоящий, фактурный. И Кенстридж никогда не стал бы его переубеждать явными признаками скандинавских кровей. Антропология потерпит.

Моралес подскочил и захлопотал. Ему явно было скучно. Группа пилотов у дальней стойки хоть и глушила что-то сугубо правильное, но делала это так самозабвенно, что даже забывала между собой разговаривать, куда уж тут затесаться в компанию несчастному Моралесу. Парни, сразу было видно, кремень. Хуже. Базальт. Мучительно переживая профессиональный приступ любопытства, Кенстридж расцеловался с хозяином, запросив тут же сразу и всего.

Моралес в ответ покачал головой и предложил умерить аппетит, иначе «будешь кушать размороженным». Это был плохой вариант, так что пойдут маисовые лепёшки с брынзой, яичницей и льяхуа. И чича. Нет, всё-таки неси, будь так любезен.

У правильных местечек был один недостаток – к тебе мо-

ментально начинали лезть в душу, а лезть в душу к инвестигейтору – плохая примета для обоих.

– Слышь, Моралес, к вашему народу приходил Всеславный Че и сказал так – родина или смерть. «Длинный язык или смерть» – не говорил. Сядь лучше, полюбуемся рассветом.

Предложение было заманчивым – «рассвет» на «Сайриусе» наступал каждые два часа, необычайная редкость. Но отповедь всё-таки возымела своё действие, хитрый индеец послушно присел рядом и принялся высматривать, раз уж не дают выспрашивать.

Кенстридж чувствовал в нём коллегу, пусть и любителя. У «коллеги» был один большой жизненный плюс, он развлекался в своё удовольствие, ни разу в жизни не заполнял никаких формуляров и знать не знал, что кому-то вообще нужно сдавать отчёты.

Моралес же пока молча дожидался, пока уйдёт вторая стопка.

Чича была ровно такой теплоты, как любил Кенстридж, на два градуса ниже температуры тела. Хозяин знал и любил своё дело. Не грех бы и по третьей пропустить, но день сегодня долгий, зачем переводить продукт на бесполезные метаболиты.

– Как девочки?

Голос Моралеса был ласков, как елей. Психолог доморощенный.

– Которые?

Кенстридж страдальчески изогнул бровь.

– Младшенькие, – совсем уж расплылся Моралес.

Грузный инвестигейтор хмыкнул. А разведка у «индейца» на высоте. Кто ж его сдал, а?

– Пронюхал, значит. Во народ, хоть в другую Галактику улетай.

– Ты, давай, не уводи тему. Я тебе дал добро надрызгаться почти что с утра, так что теперь твой ход.

– Ладно, ладно, не ворчи так. «Утро» моё уже без малого двенадцать часов длится, так что имею полное право. А младшенькие, что младшенькие. Двойня у Ларки родилась, две девочки, но тут ты и сам всё знаешь, не ври. Я их даже ещё не видел, так что подробности – почтой, так и знай.

– Так что – ты теперь сразу дважды и трижды дед. Уже начал формулировать внутри себя старика, я смотрю. Глаза вон красные, злые. Твоя работа тебя в гроб сгонит, помани моё слово.

Надо же, заметил. Вот у кого талант пропадает. Хотя... нет, лучше уж пусть он свою форель жарит.

– В старики я себя записывать не спешу, уж пусть внуки извинят, а вот работа да. Я собственно так, мимо пробежал. Спешу дальше.

Моралес пожал плечами с достоинством странствующего философа.

– Давай-давай, спешун. Зачем заходил-то? Повидаться,

небось, хотел, унылый ты брюзга.

Кенстридж стряхнул с рукава пару крошек и решительно поднялся.

– Спасибо за угощение, Моралес. Давай я к тебе лучше завтра ещё загляну, только ближе к вечеру. Чтобы не торопиться, идёт?

Моралес в ответ промолчал, только похлопал по плечу со значением. Ладно, мол, иди, всё понятно, держись, с тебя не убудет, вон здоровый какой.

Да уж куда там с него убудет.

Молча доев, Кенстридж не спеша зашагал в направлении осевого узла. Так теперь ближе. Вскоре показалась лента, и скорость перемещения заметно увеличилась, пусть и почти против его воли. Нужно в номер. Да, уже нужно. Там тебя ждёт недоделанная со вчера работа. И как тебе ни хочется заняться чем-нибудь другим, ничего у тебя не выйдет.

Дома (а как же, конечно дома, в этой каюте он провёл уже суммарно добрых десятков лет свой жизни) царил полумрак и пахло несвежим бельём. Зараза, забыл, уходя, активировать уборщиков. Ладно, это всё завтра.

Умыться, и за дело.

Впрочем, сразу приступить не дал перезвон коммуникационной виртпанели. Кенстридж поспешил придать лицу подобающее радостное выражение. Звонила Ларка, его средняя и, пожалуй, самая любимая дочь. Так уж получилось, что его отпрыски в уже втором поколении оказывались сплошь

женского полу, и вот, их прибавилось ещё на две спяще-орущих единицы.

На развернувшейся вдоль стены эрвэ-панели послушно возникла рыжая довольная физиономия. Декогеренция ретрансляционных станций на «Сайриусе» составляет почти десять секунд, так что она его ещё не видит. Кенстриджу же всегда были интересны именно эти десять секунд. В этот момент он словно переносился обратно домой. Как будто стоишь рядом и выглядываешь незаметно из-за плеча, по которому рассыпались рыжие локоны.

– Во, я тебя застала!

И всё-таки она немного нахмурилась. Тьма подери, он начинает сдавать, раз становится для всех вокруг такой открытой книгой. Ларке явно не понравилось, как он выглядит. Ничего, вот ты столетие разменяешь, тогда посмотрим. И детей будешь рожать с совсем другим чувством, и на работу будешь смотреть иначе. Кенстридж всегда косо смотрел на слишком ранние матримониальные планы своих дочерей. Ну хоть старшая слушает его советов. Или делает вид.

– Привет, заяц, как мелкие?

Десять секунд на обмен информацией делали двустороннее общение похожим на обмен нотами протеста – пока дойдёт, вселенная уже сделала шаг, и все прежние слова уже бессмысленны.

– Мелкие дрыхнут, а вокруг не дышит целая толпа. Вырвалась из этого балагана, подумала, а вдруг ты там. Так что

считай они передают тебе через меня привет.

– Скучаете по дедушке?

И снова мучительная пауза. Пройтись что ли по комнате.

– Да куда там скучаем, тут не скучать, тут кое-кого пристрелить хочется. Иногда лишних рук бывает слишком много. Но ты всё-таки постарайся побыстрее, да?

– Конечно, постараюсь.

Конечно, у него ничего не выйдет. Месяц, не раньше, а потом обратная трасса, ещё минимум две недели. Кенстридж никогда не собирался жить от своей семьи отдельной жизнью, но иначе у него не выходило. Галактика была огромна. Куда больше всей твоей жизни.

– Ну и молодец. Я тебе тут отправила всё, что Иги успел наснимать за эту неделю. Посмотри, тебе понравится. Малышки уже не такие страшенькие, щёчки с кулак.

Смеётся. Кенстридж, кажется, опять упускает что-то до ужаса важное. Но даже сам не понимает, что.

– Обязательно, прямо сегодня вечером покопаюсь в ваших завалах. Небось уже каждый пупырышек отэвэграфи- ровали, негодяи, не даёте детям спокойно разобраться, что это за бардак вокруг, куда их угораздило.

– Будто со мной иначе было! Ладно, я побегу, там уже какой-то писк, удачи, пап, пиши-вызывай.

– Меньше носись, ещё сама толком в себя не пришла. И маме своей привет от меня. Буду дома как можно скорее.

Когда изображение спустя положенных десять секунд

послушно погасло, Кенстридж устало потёр руками лицо. И ведь день в день родила, как по заказу. Не спишешь собственное отсутствие на форс-мажор. Знал, когда? Знал. Полетел на «Сайриус»? Полетел. Тратишь тут время на чичу под разговоры? Тратишь.

Ну так и нечего себя жалеть. «Я с этой работой сойду с ума-а...» Не сойдёшь. А иначе – надо было оставаться дома.

Кенстридж любезно оскалился своему отражению и принялся вчерне приводить помещение в рабочий порядок. Вытолкать всю лишнюю мебель в прихожую, активировать дополнительные экраны, снова притушить свет, и пусть что-нибудь вполголоса попиликает.

Так, теперь он сам.

Следовые имплантаты привычно ударили по мозгам активаторами, побежала трассировка подключения к галактическим архивам, пальцы машинально хрустнули. На этом разминка окончена.

На главной панели плыли в воздухе буквы.

Рэдэрик Иоликс Маохар Ковальский иль Пентарра

Кандидат

Кодовое имя личного дела: «Небесный гость».

Кенстридж почти любил этого парня, в чём никогда бы не признался никому из своих ребят. И одновременно, каждый раз, когда он вновь и вновь возвращался к делу с этим нелепым кодовым именем, ему становилось страшно. В чём

он тоже никому и никогда бы не признался. Даже *Первому*, если бы тому вдруг пришла идея об этом Кенстриджа спросить.

Итак, работаем.

В тот день я выбрался из ангарного купола лишь под утро. Короткие местные сутки не давали возможности как следует отдохнуть, и если не было дежурства в патруле или текущих работ по обслуживанию боевой техники, это не значило, что Капитанский Отряд забывал о тренировках, отработке полётных программ и прочем. Само положение КО в Легионе обязывало нас, руководящий состав, посещать разного рода собрания командования, получать инструктаж на советах у Капитанов, в общем, быть заваленными разного рода неизбежной рутинной, сопровождающей службу высшего комсостава Легиона, в который я входил по сущему бюрократическому недоразумению.

КО был выделенным соединением, назначенным на роль ударного резерва командования, в обыденной суতোлке боя исполняя лишь тривиальную роль тактической единицы, приписанной к Капитанскому Манипулу, по сути тяжело-вооружённых бронированных телохранителей, призванных в бою удерживать врага на почтительном удалении от нашего командования. Это задавало тон жесточайшим требованиям к личному составу, но отнюдь не освобождало нас от всяких мелких забот, изводящих испокон веков рядовые отряды.

Ну, а что до степени «ударности» подобного резерва... сотня среднетоннажных атмосферных штурмовиков «Баньши-21-7», пилоты, приученные тактически обходиться без поддержки бронепехов, а потому ими не обременённые, могли в случае чего многое изменить на поле боя. Бронированный кулак, ставящий точку в раскинувшемся на сотни километров сражении.

Сознание всего этого тешило гордость, но головной боли отнюдь не уменьшало. Постоянные накачки, тренировки, боевое слаживание с другими подразделениями, мы трудились сутками напролёт, почти не имея свободной минуты.

Так проходила наша служба.

В тот день я освободился лишь в три утра по местному времени Базы, так что, только добравшись до каюты, сразу же увалился на матрас и предался в этой непринужденной позе самому большому своему увлечению – чтению книги (вы понимаете, настоящей, бумажной), сопряженному с поеданием хорошего, большого, истекающего соком, хотя и явно синтетического стейка, который по моей неформальной просьбе зажарил наш шеф-повар сержант Исидо из манипула «Циззер».

План предстоящей операции уже плотно сидел у меня в голове, потому поспать бы всё равно не удалось, а так, лучший отдых – это любым способом постараться избежать затяжного ожидания.

В 5.38 по бортовому времени я оторвался от чтения, ма-

шинально сворачивая виртпанель с сигналом Второго Капитана: «Капитанский Отряд, по машинам, готовность мин-тридцать-мин».

Полчаса на сборы. Торопятся. Непохоже на них. Мотнув головой, обрубая налипшие за время пребывания в каюте технические инфоканалы, я убрал книгу в шкаф и принялся одеваться.

Натягивая биосьют, и без того особого удовольствия не испытываешь, а когда ещё и спешишь... Квазиживой экзосьют биологической защиты мог полностью поддерживать жизнедеятельность и все естественные отправления организма на широчайшем промежутке внешних физических условий в течение нескольких недель, так что во время затяжных боёв, когда сутками не покидаешь штурмовик, можно не беспокоиться хотя бы о своём собственном брэнном теле. В принципе, он даже совершенно не стесняет движения, но надевать и снимать его каждый раз становилось для меня сущим мучением.

Покидая каюту, я с содроганием ощущал, как биосьют пристраивается поудобнее на моем теле, но тут пищевод у меня за щекой решил за меня, что я сейчас остро нуждаюсь в глотке тоника, а в легкие уже поступал свежий, почти горный воздух, так что я в который раз благополучно смирился с этой второй кожей ярко-зеленого цвета.

Спустя пару мгновений лифт доставил меня к отсеку хранения «защитников» – носимых тактических бронирован-

ных сервомехов, расположенному в центре купола, отведенного КО. Махнув рукой ребятам и прикинув время – на всё оставалось около девятнадцати минут, я вскрыл капсулу своего «ар-эс» и не мешкая влез в его распахнутые внутренности. С мягким гудением внешние н-фазные плиты захлопнулись, отсекая меня от окружающей действительности, но сразу заработала сервоначинка, и тут же он растворился вокруг меня, не мешая обзору и коммуникации.

Я мог чувствовать заклёпки в полу, я мог видеть всё вокруг с куда большей четкостью, чем невооруженным взглядом, тут же получил через внешние интерфейсы «защитника» расширенный доступ к каналам связи, радарной сетке и тактическим информационным банкам. С почти кошачьей грацией тех самых белых тигров, именем которых мы называли наш Легион, я выскользнул из помещения под скат купола – здесь, в гигантском помещении, и размещались в боевой готовности наши штурмовики.

Не дожидаясь, когда мой серо-стальной «Баньши» выдвинет трап, я одним усилием актуаторов экзоскелета запрыгнул наверх и с размаху разместил свое бронированное сидалище в предназначенное для него гнездо. Любой здравомыслящий человек ни за что не стал бы этого делать – в распахнувшейся «берлоге» были прекрасно различимы хищные жвалы захватов и терминальные линзы энергопроводов, однако в штатном «ар-эс» особого комфорта не требовалось, наша задача – быть надёжно замурованными в недрах собствен-

ного штурмовика, остальное брала на себя квантоптоэлектронная начинка моей бронированной оболочки и бортовой церебр «Баньши». Модифицированная следовая начинка десантника освобождала меня от необходимости совершать для управления всем массивом бортового оборудования физические действия, кроме, разве что, подтверждающих ключевые команды касаний сенспанелей, что располагались у меня под ладонями.

Пока монтажные серв-системы замуровывали меня в этом неудобном ложе, я принялся тестировать уже прогретые автоматикой системы. Кругом пилоты готовились к старту, мерцали огни, гудели силовые экраны. Вся База на ногах. Из боковых проходов к нашим машинам двинулись бронепехи Второго Сектора, временно приписанные к Капитанскому Отряду – их требовалось согласно плану транспортировать до точки сброса. Если движения человека в «защитнике», похожем на мой, были в достаточной степени точны, то бронепехи в своих насекомообразных чудовищах демонстрировали форменный балет, красота их движений завораживала.

В своё время мне тоже приходилось в таких бегать на полигонах, «скорлупа» этих парней кое в чём даст фору внешней броне наших штурмовиков и обладает впечатляющим вооружением, которого обычный «ар-эс» практически не имел. Кроме того, они были мастерами своего дела, в отличие от нас, постигавших науку управления экзосьютом лишь в качестве факультативного курса.

Универсальность подготовки – вещь замечательная, мы могли сносно управлять космоатмосферным истребителем, большинством малых типов кораблей Флота и так далее, но всё же досконально нас готовили исключительно для управления атмосферными штурмовиками – занятие, далёкое от владения тонкостями экипировки бронепехов. Каким образом эти парни настолько ювелирно управляются со своими четырехтонными монстрами, в голове не укладывалось.

Отвлёк меня требовательный сигнал развернувшейся виртпанели – «Баньши» сообщил об окончании тестирования и запуске всех систем. Перед лицевой пластиной экзосюта послушно захлопнулась основная броневая плита, сенсоры «защитника» тут же отключились, уступая свою роль рецепторам штурмовой машины. Я пробежал глазами по отчёту, отозвавшемуся перезвоном «зелёных» показателей, а сам тем временем связался со своим манипулом.

«Бета», готовность.

«Гамма» считает Отряд, я разбираюсь с пехотой. Сообщаю пока о готовности Капитанам.

Голос Элиа Лукаса звучал, как всегда в таких случаях, глухо и обеспокоенно. Последуем его совету. Бортовые системы тут же принялись загружать порядок и траекторию выхода с Базы, и мне ничего не оставалось, как просто передать это дальше по цепочке – лидерам звеньев и манипулов.

Я сразу же включился в отрядный канал, сосредоточенно листая обновлённое боевое задание.

Отряд, полётная программа всем знакома, свежие андеиты прочитаете на трассе. Следуем назначенным курсом, построение «звезда» под прикрытием ребят из Спецотряда. Движемся медленно и опрятно – не забирать в высоту и не пылить. Связь – только через НКП, сами реквесты не спамим – ждите, когда вас подцепят. Остальное позже.

Я глянул в угол своего поля зрения, где мигали цифры хронометра.

Мин-ноль-пятнадцать-мин. Стартуем по сигналу Капитанов. Бронепехи, держитесь, взлетаем.

Мой сигнал готовности, переданный «наверх», был тут же обработан – замерцал запрос передачи управления на бортовой церебр одного из капитанских штурмовиков, который я и подтвердил касанием сенспанели, предварительно убедившись, что бронепехота за бортом готова к старту. К мягкой мелодии настроек, звучащей у меня в ушах, добавилась басовитая нота главного силового привода. «Баньши» не спеша приподнялся над стартовой площадкой. В поле зрения ментально возникла радарная сетка, все наши штурмовики работали в маршевом режиме, переливаясь строчкой значков трассировки. Парой секунд спустя главный церебр Базы уже аккуратно выводил нас из-под купола через главные ворота.

Оглянувшись, я тщательно проверил правильность идентификации ведомых машин – над каждой зазеленели соответственные маркеры над «паучком» вектора ходовой тяги.

Меж тем Отряд уже развернулся на просторе, выстраиваясь, как и было приказано, в свою часть конструкции «звезда» по вектору курса. Мы тихонько выходили на оперативный простор.

Подобные затяжные перелёты через весь материк утомляют хуже любого патрулирования, пока вот так висишь меж небом и землёй, поневоле начинаешь излишне расслабляться. Некоторое время я рассматривал ландшафт, проплывающий за бортом, благо низкая скорость и маленькая высота этому способствовали, нечасто десанту удастся бросить взгляд по сторонам не через интерфейсы систем наведения. Однако тишина и однообразие заснеженных просторов, лишь изредка сменявшиеся черными полями на местах недавних боестолкновений, еще не затянутых снегом, вскоре мне наскучили.

Я включился, было, в капитанский канал, но тот был занят – Капитаны что-то обсуждали с командующими Крыльев, так что я благоразумно не стал вступать, лишь послав персональный текстовый запрос в инфоузел, на что получил незамедлительный ответ: «На ваше усмотрение, проконсультируйтесь со Спецотрядом».

Мысленно кивнув и пробормотав «апро, сорр», я связался с тем манипулом Спецотряда, машины которого, похожие на перевернутые блюдца, окружали сейчас КО вместе с капитанскими штурмовиками огромным тетраэдром.

Манипул «Кираса» Спецотряда, говорит КО. Насколько

мы свободны в своих перемещениях?

Парни оказались на высоте – живо перестали трепаться о своём и отправили по каналу пакет предписаний, по которым мой бортовой церебр изобразил причудливо изгибающийся трёхмерный объект. Это сложного вида кроваво-красное марево было полем клоакинг-защиты, что создавалось машинами поддержки.

Свободно маневрируйте внутри этого объёма, но если кто-нибудь случайно высунется наружу – Капитаны вас живьём съедят.

В конце фразы отчетливо скользнул сарказм, на который я ловиться не стал.

Принял. Есть свободно маневрировать внутри объёма.

Пользуясь новыми данными, мы с Элиа немного подкорректировали построение Отряда, переместив четвёртое Звено, несущее меньше других пехоты, под самую «крышу» разрешенного объема, то есть прямо над Капитанским Манипулом, всё-таки, несмотря на всю прогулочную схему перемещения конвоя, никто нашу обязанность защищать Капитанов не отменял. Ещё спустя некоторое время, после долгих препирательств с церебром, ведущим нас по курсу, нам разрешили перевести системы в боевое положение, после чего парни с азартом принялись за любимое дело – смену конфигурации вооружения.

«Баньши» – чрезвычайно гибкая машина, блоки её сконструированы способными в полёте менять геометрическую

конфигурацию в довольно широком диапазоне, позволяя проделывать с ними самые невероятные штуки. Я некоторое время спокойно размышлял над тем, что мне выбрать – излюбленную «ласточку», размещение с весьма широким углом поражения целей, или придумать на скорую руку что-нибудь более подходящее к данному моменту, но тут на связь вышел один из моих «пассажиров» и, злостно нарушая субординацию, принялся высказывать мне всё, что он обо мне думает. Я коротко извинился и передал остальным, чтобы не забывали про пехоту на броне.

Когда всё утряслось, и я успел проделать, что мог, с Отрядом, своей машиной и всем остальным, начали поступать свежие данные о полётной программе, так что я тут же углубился в изучение, краем уха вслушиваясь в то, как один из сержантов в общем канале травит байки. Боевой настрой нулевой. Мне это не нравилось – мы летели не в отпуск, а к линии фронта.

Прервав рассказчика, я сперва хотел парням сказать что-то бодрящее, потом плюнул, приказал всем спать, а сам вернулся к плану.

Спустя час уснул и я. Нужно беречь силы. Если что, автоматика нас разбудит.

Изолия Великая была миром, полным противоречий. Я её не любил, но, вместе с тем, улетаая в который раз, почти сразу начинал по ней скучать. Странный мир. Космос знает, ко-

гда заселенный, он был одной из самых старых человеческих колоний в этом Секторе Галактики. Мир-подмости. Мир-театр.

В периоды межсезонья, тянувшееся порой годами, количество её жителей могло не достигать и пары миллионов. И вместе с тем – ажиотаж в остальное время, наплыв туристов, почитателей, учёных-социологов и представителей множества Галактических Служб, переполненные залы Коллизеев и Пантеонов. Брызги смеха и скрежет зубовой. Море эмоций. Огромное множество зданий всех немыслимых форм, размеров и расцветок, соперничающих порой по величине и великолепию с самим ирнским И-Сто, были разбросаны безо всякого смысла и цели по всем континентам, – вы бы ошиблись самым ужасным образом, если бы подумали, что это и есть знаменитые Двадцать Три изолийских Театра. Во-первых, вне всякой логики, их насчитывалось куда больше, а во-вторых, это на самом деле были музеи на потеху приезжим, а то и вовсе – самые обыкновенные, прозаические жилые дома Творцов. Одни тут предпочитали жить в сотворённых собственными стараниями палатах, другие – чуть не в соломенных хижинах.

А Театры... присмотритесь, маленькое такое, чуть в сторонке. Вот это один из них. Не перепутайте.

Творцы жили в башнях, пилонах, пагодах. Жили, отделясь друг от друга сотней метров высоты, что пролегали меж этажами или предпочитая чисто мнимое соседство, напри-

мер, традиционной таёжной разрозненности постиндустриальных миров. Всё это смотрелось странно, непонятно, где-то и вовсе чуждо, но Творцы для меня, по очевидной причине, были теми самыми людьми, которые до конца оставались чужды даже сами себе, кроме того, однажды некоторые из них вообразили, что я сам им почему-то интересен. Я, изгой без дома и семьи, без вкуса к жизни и без интереса к творчеству, всей своей жизнью опровергающий их ценности, смысл их жизни...

Если вы думаете, что я понимаю, почему, то вы ошибаетесь.

Мы довольно часто здесь бывали до того, последнего моего визита, так всё время получалось, я уж и не помню точно, каким образом удалось меня сюда затащить в первый раз. По-моему, это было ещё в бытность нашу кадетами. Но лишь в последний раз я прилетел на Изолию сам, по собственной воле, без уговоров с чьей-то стороны и ответных проклятий – с моей. Пусть почти всегда это было в шутку, на этот раз шутить было некому. Три года меня здесь не было, и вот, сама судьба принудила нанести этому миру прощальный визит. Раньше же всё выглядело не настолько фатально, бывали и моменты ближе к жанру фарса.

«Не могу я больше видеть этих фигляров! Митрон опять со мной шутки будет шутить, пока не выведет из себя, а потом мне же в жилетку будет плакаться, шмыгая носом. Надоело!» Надо мной потешались, меня уговаривали, меня стра-

щали небесными карами. Как давно это было. В который уже раз, будто в прошлой жизни. Некому уже меня уговаривать.

Воспоминания, воспоминания... не успел я выйти на платформу Пересадочной, не успел глянуть на изборожденный разводами лик планеты, как тут же они меня захлестнули с головой.

– Что вы меня всё время одёргиваете?!!

Это голос одного из пассажиров, ожидавших, как и я, открытия шлюзов. Маленький, лысоватый, с хаотичными порывистыми движениями. Он всю дорогу нервничал, словно первый раз в космосе, и при этом старательно сбрасывал излишки эмоций в сторону окружающих. Его явно выводила из себя кажущаяся беззащитность перед лицом великой пустоты. Да, на открытой террасе Пересадочной у неподготовленного человека возникает ощущение, близкое к агорафобии. Только вместо многолюдности здесь пустота. Ничего, или пройдет, или просто парень больше никогда этого не увидит, его будут перевозить, как багаж. В закрытой таре.

– А вы тоже в первый раз?

О, Вселенная, только этого не хватало. Я так надеялся, что меня хотя бы в этот раз оставят в покое. Мечты не сбылись. Прицепился.

Я постарался дать ему понять, насколько сильно я не хочу ни с кем разговаривать, и разворачивался нему со всей возможной, в пределах приличий, медлительностью. Как главная орудийная башня на флагшипе.

– А похоже? Нет, не в первый.

– На концерт Селив прилетели? Сейчас вроде ничего приличного и не идёт. Только не говорите, что вы на эту ужасную выставку Зелёных Волос? Это же не искусство, а маразм старческий, мне кто-то сказал, что чуть не половина этих дедуганов не совсем сохранна психически, и, к тому же...

Слова полились из этого маленького лысоватого человечка непрекращающимся потоком, он тут же, совершенно не нуждаясь в моих ответах на его реплики, принялся излагать мне всё, что думал о разнообразных течениях и направлениях современного искусства, и, в особенности, искусства Творцов.

– И главное, я им говорю...

– Подождите секунду, послушайте.

– Да? – он аж потянулся ко мне, встав на цыпочки. Не ожидал, что я ещё и разговор поддержу. Заранее радовался собеседнику. Кошмар.

– Я очень устал после перелёта. Я бы очень был рад, если бы вы перенесли то внимание, которое вы мне так любезно уделяете, на кого-нибудь другого. Заранее благодарен.

Надо было видеть, как он сник.

– Извините, я не должен был...

Зря, но тогда я действительно едва сдержался, чтобы попросту на него не наорать. Полёт мне стоил последних сил.

Отправляющимся вниз просьба пройти к четвертому доку для посадки на паром. Орбитальная гостиница в на-

стоящий момент исчерпала все возможности по размещению, поэтому всем прибывшим настоятельно рекомендуется не задерживаться на Пересадочной. Спасибо за понимание.

О, Творцы, вы даже в голос бездушного демона оповещения постарались вложить нечто пассивно-агрессивное, сходу вызывающее у меня жестокую головную боль.

Спустя полчаса я уже пристально наблюдал за разворачивающейся на эрвэ-экранах грандиозной картиной ринувшейся на нас планеты: как постепенно шар превращается в необъятную плоскость, как пропадает атмосферный налёт, видимый лишь из пустоты Пространства, как становятся различимы отдельные горы, реки, озера. Наконец, как перед самым моментом касания грунта становится виден каждый трепещущий на ветру листок знакомых эвкалиптов, высаженных до самого горизонта вокруг посадочной площадки. В этом была такая высокая поэзия, что злосчастный инцидент совершенно забылся.

Прибыли.

Мы благополучно прошли к поджидавшему нас вагончику монорельса, мерно тронувшись спустя пару минут в направлении приземистого здания космопорта. О, эти местные порядки, я помнил их до зуда в подмышках, Творцы отнюдь не страдали галакто- или тому подобным центризмом, после космологического представления, продемонстрированного нам при посадке, они предпочитали преподнести нам

то, что *они* понимали под прекрасным. Спектакль начинался сразу после прилета. И, поверьте мне, продолжится до самого конца. Творцы.

Описывать бесполезно, слова бессильны пересказать всё великолепие медленно проплывающего вокруг нас пейзажа, рукотворного до последнего листочка, но от этого ничуть не менее прекрасного. Противопоставление естественной дикости Космоса уюту старых миров так и лилось на меня со всех сторон. Да и черепашня скорость вагонетки не позволяла пропустить ни одной детали... пожалуй, пешком быстрее.

«Ну их, что ли, надоели со своими фокусами», – отчетливо подумалось мне, покуда слух мой, как это следовало в данном случае, сконцентрировался на шелесте листьев на ветру.

Ах, да... Я повернулся к лысому человечку и протянул ему руку.

– Рэд.

Тот посмотрел на меня, хитро прищурился. Протянул руку в ответ. Надо же, не обиделся.

– Ну, будем знакомы. Миша.

Мы пожали друг другу руки.

– Ты, Миша, прости меня, я действительно тогда не был настроен ни с кем разговаривать, – сказал я, быстро переходя на ты.

– Ничего страшного, я всё прекрасно вижу на твоём лице, и понимаю. С войны?

– Я всё-таки забыл снять китель?

Миша горделиво улыбнулся, шутка ему понравилась.

– Профессия такая. А узнать-то нетрудно...

А вот я в нём ошибся. Вскоре выяснилось, что Миша – психолог с ближайшей Галактической Базы, решил в отпуск слетать на Изолию, благо здесь у него по старой ещё памяти куча знакомых. А «поганое его настроение» вполне однозначно объяснялось «жутким завтраком, по глупости заказанным из стандартного меню». Словом, поговорить Миша любил.

Под журчание его голоса и мои редкие ответные фразы мы прибыли к космопорту.

– Ну, ладненько, я пойду, меня должны встречать. Вот тебе мой идентификатор, найди меня, когда будет лишнее время. Поговорим. Счастливо!

Я машинально сохранил карточку в архиве, глядя, как он бодрым шагом направляется в сторону одного из выходов.

Хорошо. Хоть не испортил человеку настроение. Что ему до цели моего прилёта и вообще что ему мои проблемы.

Ладно, нечего тут стоять. И я поплёлся к лодочной станции.

Одна из причин, почему я не направился ещё на Пересадочной к частной палубе, где меня ждал собственный скаут-заатмосферник, а спустился вниз паромом, заключалась именно в этой самой станции. Сейчас мне было бы очень неплохо выйти в море, подумать. Да, в общем, и просто про-

гулка под легким морским бризом тоже не помешала бы.

Когда я уже собрался сесть в понравившийся мне глиссер, сзади ко мне кто-то подошёл. Говорят, у десантуры глаза на затылке. Возможно. Я не стал оборачиваться, подождём, когда сам заговорит.

– Рэд.

– Да? – я только теперь повернул голову. Читай мои движения, Творец!

– Рэд, я только узнал, что там случилось. Ты знаешь, вы всегда мне нравились... страшно это.

Я всё не двигался, оставаясь в напряжении, общаться с человеком вот так, спиной, было верхом того, на что я сейчас был способен:

– Я думал, ты не решишься. Похоже, я ошибался.

– Она просила больше не... Требовала, если честно. Ото всех наших.

– И ты всё-таки приехал?

Запоздалая пауза. Что ж, думать надо было до этого. Почти щенячий взгляд в мою сторону. Они всегда так, сначала сделают, а потом пугаются:

– Я... зря я это сделал.

– Угу. Вот это – правда. Вот поэтому мне и нужно было прилететь самому, – я смотрел на него, не мигая.

Когда Симеон всё-таки кивнул в ответ, только тут я отвёл глаза. Пусть его. В конце концов, он-то уж точно ни в чём не виноват.

– Она знать не желает, по крайней мере так говорит, всё время проводит на репетициях, ты же знаешь... Весёлая, как всегда.

Ещё бы.

– Как ты меня нашёл?

– Автоинформатор сообщил, что ты прибыл на Пересадочную. Дело техники. Как раз успел сюда. Так и знал, что полетишь паромом. Ты ужасно предсказуем.

Ясно. На Изолии приватность всегда была не в чести, в особенности среди Творцов.

– Скажи, Рэд, о тебе тоже ходила какая-то противоречивая информация...

Я молча швырнул ему пакет *мыслекода*, пускай переваривает. И остальным передаст. Живой я для Галактики или нет, при всём хорошем, что было между нами в прошлом, это теперь касалось только меня и Лианы, остальные пусть идут... своим ходом.

Глиссер беззвучно швырнул меня в сторону голубой глади залива, облака прекрасно гармонировали с оттенком воды. Творцы и здесь оставались сами собой. Вода тоже была великолепна, я проплавал на мелководье вокруг глиссера добрых три часа кряду, пока не выбросил из головы все дурные мысли. И даже эхо этих мыслей словно решило отдохнуть.

Выписка из бортового журнала: «Счастье солдата – игра удачи. Даже великий воин ничто без неё, но только лучшие

из нас способны управлять этой странной силой. Я редко веду записи, но именно сейчас мне бы хотелось с кем-нибудь поделиться.

Бывают мгновения, когда воин должен быть немного философом. Тебя окружает смерть, может, легкая и быстрая, а может, долгая и мучительная, какая разница, конец-то один. Но её ожидание, оно хуже всякой смерти, которая для солдата – дело привычное и даже обыденное.

Когда твой штурмовик идёт в атаку, когда его броня сверкает, а энерговоды гудят, ты иногда вспоминаешь о ней, но никогда не сжимаешься на ложементе, воображая возможное будущее. Ты летишь вперёд, отчётливо сознавая возможный исход и надеясь на удачу. И когда этот баланс удастся сохранить на годы, вот это я и называю настоящим солдатским счастьем».

Подопечные Кенстриджа и его ребят иногда были осведомлены о негласном контроле за их делами, связями и перемещениями, но почти всегда – хотя бы подозревали о самой возможности такого контроля. А когда имеешь дело с Кандидатами, то ты никогда не ошибёшься, если будешь считать, что подозрение у них переходит в неоспоримую уверенность спустя минуты эдак полторы. Как вообще можно пытаться понять, что происходит в голове у человека, который не только способен в любой момент просто исчезнуть из поля зрения любого прибора, но и, при желании, скормить ему

любую липу, какую ему заблагорассудится. Как?

А вот так и можно. То, что эти люди – Кандидаты, ничего в действительности не меняло. Они оставались людьми, до последнего цепляясь за свою человеческую природу как за спасительную соломинку. Соломинка не спасала, но тем не менее. А значит, они терпели и будут терпеть пусть самый тонкий, самый ненавязчивый, самый необязательный, но контроль, потому что человек верит человеку. А в команде Кенстриджа работали люди.

И сам Кенстридж был человек. Никогда он бы не переступил черты сам, и не дал бы её переступить любому другому. Их вечные в обоих смыслах оппоненты в Совете могли решить для себя что угодно, но это должно быть *их* решение, а не его, и не его ребят. И исполнять эти решения предстоит уже совсем не людям.

А значит, помни первое правило инвестигейтора – доверяй объективным свидетельствам, по крайней мере до тех пор, пока они не начинают противоречить друг другу. И не доверяй ничему вовсе, как только подобное противоречие будет обнаружено.

Кандидат, сокрытый за очередным безумным кодовым именем, был террой инкогнитой не только для Кенстриджа, но прежде всего для самого себя, а потому, решив в уме простейшую задачку, сложив два и два, легко становился собственным соглядатаем, даже не отдавая в том себе отчёта. С их непогрешимой памятью это было немудрено, принятое

однажды решение легко терялось в завалах мелких каждодневных деталей, но продолжало оставаться в силе.

Если подумать – вполне логично.

Каждый Кандидат однажды задумывается, а что сделал бы я, если бы знал, что по Галактике в попытках найти себя шагают десятки чёрных ящиков убийственной мощи. Что бы он сам сделал, доведись ему решать? Он бы затих и выждал. Вот и они теперь – наблюдают и ждут. Других вариантов нет.

И потому Кенстриджу не приходилось каждодневно извлекать крупницы истины из отвалов шумовых помех, исходящих от весьма способного к тому объекта. Наоборот, информация лилась к нему рекой, кристально-чистая и... непонятная.

Хотя, если подумать, чего в ней непонятного. Бортовые журналы, переписка, дневники, отчёты, рапорты, распоряжения. Логи переговоров, список просмотренного и прослушанного. Ни единой попытки что-то зашифровать, малейшая двусмысленность во фразе помечена сноской и педантично расшифрована. Любой Кандидат на поверку оказывался открытой книгой, написанной для пятилетнего ребёнка – крупным кеглем и с развивающими картинками. Только толку.

Железная логика действий, невысказанная педантичность, суровый аскетизм солдата звучали в каждом слове. Предельно последовательно, максимально предсказуемо и безэмоционально. И тут – откуда ни возмись – раз, и словно после пя-

той страницы романа идёт сразу двести шестая. Целый мир прожил эпоху-другую, а наблюдение этого не заметило, потому что в нашей вселенной прошла всего доля секунды.

Кенстридж привык к такому, но всё равно каждый раз, наткаясь на подобные провалы, мысленно принимался складывать в уме сложные идиоматические выражения на древних мёртвых языках. О, он это умел в совершенстве.

Особенно неведомым террианским предкам доставалось, если такой рывок случался во время отчётных консультаций на «Сайриусе». Потому что это означало одно – все красивые доклады, свёрстанные и подшитые, шли коту под хвост, и пока кризис не минует, никуда Кенстридж отсюда даже не двинется. Будет сидеть и долбить по кругу, выискивая причину или хотя бы разбирая возможные последствия.

Временами он начинал подозревать, что Кандидат в такие моменты и сам не замечал – ни с самим собой, ни вокруг – каких бы то ни было случившихся изменений. Наблюдатель оставался вовне, но одновременно получал на руки все необходимые элементы мозаики. Только сложи из воедино, ты же посторонний, тебе проще.

Такова была вторая часть сделки. Ты сидишь за килопарсеки от места событий, ты не лезешь под ноги, ты не ограничиваешь свободного человека ни в чём, кроме самого гипотетического факта собственного существования и присутствия. А он в ответ ждёт, что в случае чего, ему будет услужливо выкинут красный флажок – здесь осторожно, опас-

ность, ты прошёл очередной излом, но вовне он ещё не проник, с ним ещё можно что-то поделаться. Значит, будь осторожнее вдвойне.

Правда, Кандидаты боялись своей силы куда больше, чем их боялся Кенстридж. И были бы искренне благодарны за любую помощь, только чтобы это была помощь, а не препона, которая будет только сужать и без того предельно узкий коридор выбора для самого Кандидата.

Так они работали в тандеме. Одинокое кодовое имя и его немой и безымянный наблюдатель. Оба пытались уловить ничтожный сигнал, который оправдывает их долгое ожидание. И оба в него не очень-то верили.

Потому что помимо их двоих оставалось ещё и всё остальное. Вселенная против них обоих. А с ней-то уж точно не совладать. Никак.

Кенстридж помнил, как страшно было, когда на Элдории со сканеров разом пропала поверхность. Он был тогда ещё совсем молод, грузный старый инвентарист, его юные дочери даже не собирались заводить никакие семьи, у него было мудрое начальство, масса времени для личной жизни и первое кодовое имя в рабочей папке. На, полистай пока, поприглядывайся.

С тех по их стало куда больше, а на доклад к Вечным стал таскаться уже он сам, каждый раз задумываясь, кому он пытается что объяснить.

Но в те дни, сложившиеся в итоге в недели, он постарел

лет на десять. Недели зловещей тишины. Они остались тогда совсем без информации, в полном вакууме.

Потом Ковальский с манипулом вернулся, и даже сведения об истинной судьбе их коллеги сержанта Рихарда Дайфа иль Миттель-арен навсегда остались в недрах закрытых архивов отдела, но те варианты развития событий, один чудовищней другого, который они успели за это время перебрать... лучше забудем от греха.

Почему, всё-таки, Кандидатам оставляют свободу воли? Вопрос даже не о ней. Вот попросись сегодня тот же Кенстридж в полевые медики КГС, о чём он когда-то мечтал, его вежливо попросят вон, несмотря на все свободы. Если бы этого захотел Кандидат – всё сложилось бы к вящему удовольствию сторон, хотя, действительно, захоти Кандидат хоть играть на скрипке – заиграет так, что меломаны вокруг начнут падать в восторженные обмороки.

Но Кандидат Ковальский решил после Элдории вернуться в кадровый десант. Спасибо, не в родное ГКК, иначе бы работа Кенстриджа становилась бесполезной. Дальний рейдер привозил бы по возвращении данные прямиком в архив, инвентигейтор не может становиться археологом, он работает здесь и сейчас, в динамической обстановке боя со временем.

Вот и в этот визит на «Сайриус» подопечный задал очередную задачку, навлекая на свою многострадальную голову напрасные проклятия Кенстриджа. И как обычно, ничего не предвещало беды.

Капитанский Манипул «Катрад» числился в картотеках Планетарного Корпуса (не подозревающего о существовании кодового имени «Небесный гость») эдакими пуристами и перестраховщиками. Их Легион потому и считали активным резервом, что если эти двое за что-то брались, то исполняли они всё настолько педантично, чётко и спокойно, что после начинало казаться, будто и само привлечение резерва было излишним, вопрос без того не стоил беспокойства, основные силы справились бы и сами. Трёхзвёздные Адмиралы на «Инестраве-шестом» глядели глубже и потому без надобности тактический и стратегический талант командиров Северного Легиона «Белые Тигры» испытывать не желали, предпочитая передавать им до поры спокойные участки. Капитаны Ковальский и Алохаи если и догадывались о подобной тактике командования, то возражений не выказывали, рапорты если и писали, то исключительно традиционные – пополнить резервы, и вообще со свойственным хорошим военным стоицизмом продолжали «службу войск» там, где прикажут.

Вот и на этот раз, тихая, рутинная операция по выдавливанию врага с занимаемой территории вплоть до окончательной санации планеты. Доклад по «Небесному гостю» привычно обещал быть самым простым и безынформативным. Кенстридж всё подготовил ещё дома, по прилёте же на «Сайриус» лишь он пару раз краем глаза просматривал свежие данные, не особо беспокоясь об успешном представлении

и этого подопечного, и действительно, ничего заслуживающего внимания не обнаруживал. Так, армейская рутина.

Первый тревожный звоночек прозвенел во время сегодняшнего доклада по кодовому имени «Лист яблони». Следовая начинка просигналила о прибытии свежего инфопакета, и Кенстридж на мгновение сбился с текста, скомкав фразу и мучительно пытаясь сообразить, о чём его только что спросили.

Инфопакет был великоват для обычного суточного отчёта, да и пришёл в неурочное время, что уже само по себе было подозрительно. Тем не менее, Кенстридж не стал пороть горячку, и доклад всё-таки завершил, списав своё смущение на обычные флюиды вопрошающих. Даже ему, с его опытом, глядеть Избранным в глаза было тяжеловато. Не потому, что они как-то на него особо воздействовали, однако всё же с ним вели беседу величайшие разумы человеческого уголка Вселенной, и нужно быть куклой из пластика, чтобы не ощущать в их присутствии некоего трепета.

Кенстридж только пометил себе по прибытии домой в первую очередь заняться «Небесным гостем». И потом, разумеется, честно принялся разгребать неожиданно свалившиеся на его голову авгиевы конюшни.

Документов, и правда, поступило невероятно много. Рапорты, отчёты, логи совещаний, приказы по личсоставу, какие-то совсем смутные разведданные и вовсе непонятные технические характеристики. За последние пару десятков

лет Кенстридж стал практически докой в военных делах, слишком много ему всего пришлось узнать, но когда вояки принимались разговаривать на своём арго, даже ему зачастую приходилось кисло, несмотря на отвалы сносок и пояснений.

Тем не менее, а какие у него были варианты. Апро, сорр, приступаю, сорр.

Общий смысл сообщения был прост – командование Легиона разработало план форсирования вялотекущей фазы санации поверхности зачищаемой планеты путём переноса опорной базы десанта ближе к театру основных военных действий. Были приложены схемы, обоснования, корректировки, инструкции службам технической и огневой поддержки, расчёты по потерям в людях и технике, расходу расходников, сразу же запросы на пополнение арсеналов и всё те же традиционные требования обеспечить Сектор регулярным флотом прикрытия.

Ответа командования пока не поступило, но Кенстридж мог заранее предсказать, что именно решат на «Инестраве-шестом».

Операцию одобрить, предупредить резервные транспортные флоты о внеурочных трассах, сообщить, что в Секторе только что завершён плановый рейд по зачистке пространства и развешано ещё полмиллиона бакенов сети раннего оповещения. Пожелать удачи. Прикрытие флота не согласовывать.

Могут себе позволить. Капитанский Манипул «Катрад» не допускает ошибок. План выглядел внушительно и на вид был безупречен, насколько вообще может быть безупречен в теории план масштабной войсковой операции. Штатные аналитики Планетарного Корпуса его, разумеется, перероют вдоль и поперёк, придерутся к паре мелочей, но в итоге поставят свою визу.

Но тут Кенстриджа кольнуло второй раз.

План выглядел слишком поспешным.

Это начальству файлы шлют цельными блоками, как те же его, Кенстриджа, доклады. Но продумывают их месяцами, ну, хорошо, в боевой обстановке – неделями.

Но этот план до сих пор не фигурировал ни в каких переговорах, селективный поиск не нашёл в ближайших архивах по кодовому имени «Небесный гость» ни единого похожего упоминания. Значит, или Ковальский всё это долгое время держал у себя в голове и предпочёл им раньше времени ни с кем не делиться, что на него не похоже, или план действительно был продуман, уточнён и свёрстан за считанные недели.

Звериное чутьё инвестигейтора сделало стойку.

С чего бы так?

За прошедшие месяцы не было ни одного заметного повода для столь поспешных решений. Какие-то мелкие стычки дальних патрулей, дважды поверхность долбила орбитальная группировка, пресекая чрезмерную активность врага,

пытавшегося начать углубляться в кору в попытке оттянуть своё неизбежное поражение. Но и только. Куда же ты так спешишь, «Небесный гость»?

Хорошо, зайдём с другой стороны.

Предположим, оба Капитана давно обдумывали, что бы такое предпринять для ускорения операции. Так бывает, что решение проблемы формулируется не постепенно, собираясь из разрозненных деталей, а приходит в голову внезапно, как бы само собой, когда необходимые детали мозаики сами сложатся в осмысленный образ. Такое часто бывало и с самим Кенстриджем, годы назад, когда он ещё был обычным полевым инвентаристом. Почему бы такого не случится с вечно занятыми разной организационной мелочёвкой Капитанами, ведь на них висит целый Легион, сотни людей и машин на оторванном от остального человечества мирке.

Кенстридж привычным жестом запустил селективный поиск по архиву дела «Небесного гостя». Последний раз подобные спонтанные решения принимались Ковальским... Кенстридж почувствовал, как у него потеют ладони. На Замкнутой планете Элдория, где в итоге загадка была разрешена, но даже присутствие рядом *Воина Элны* не спасло последственного от фатального контакта с чуждым разумом, стоило Ковальскому карьеры агента СПК, а Кенстриджу – долгих лет неопределённости и ночных кошмаров.

Спокойно. Это ещё ничего не значит. Возможно, идея принадлежала вовсе не Ковальскому. Капитан Алохай в этом

тандеме был скорее тактиком, но операция по переброске опорной базы не то чтобы требовала особого стратегического мышления. Она может прийти в голову кому угодно.

Но ещё один поиск ничего не дал. Точные логи их разговоров придут только спустя шесть часов, с обычным пакетом, а в документах манипул «Катрад» всегда маркировался обеими подписями.

Тупик.

Кенстридж усилием воли остановил свои судорожные метания по открытым документам, сходил к кухонному блоку, налил себе пахивающий полыньёю мате, не спеша уселся в кресло и сделал большой щедрый глоток.

Нет, конечно, можно дождаться поступления свежих сведений... но тогда можно и опоздать. Сутки, от принятия решения до дедлайна его исполнения Ковальский позволил себе ждать только сутки. Даже меньше. Часов восемнадцать. И лишние шесть часов могут стать в этом деле решающими.

Эта операция должна стать решением некоей беспокоящей Ковальского, точнее «Небесного гостя», проблемы. Причём беспокоящей настолько, что он считает нужным не только убедить Алохай в своей правоте, но и взбудоражить затем весь Легион, поднять на уши командный состав и экстренно разработать план операции. При этом на сознательном уровне подследственный ничего особенного не ощущает, иначе бы уже поделился своими сомнениями в документах. В осознанное же введение командования в за-

блуждение со стороны Ковальского мог поверить кто угодно, только не Кенстридж. Кандидаты ничего не забывают и никогда сознательно не вводят никого в заблуждение. Это их главное свойство, уж поди пойми, почему.

А ещё их главное свойство – иногда совершенно непроницаемые, односторонние барьеры в сложном сознании не сформировавшегося покуда Избранного. Ковальский и «Небесный гость» – между этими почти синонимами всегда оставался заметный зазор, временами становящийся различимым невооружённым глазом, иногда же – заметным только опытному взгляду прикреплённого к нему инвестигейтора.

Затем они и были нужны Совету – видеть то, чего не видят другие. Даже сам Первый видел в Кандидатах только ту, теневую сторону, не в силах отделить от неё человеческое. А оно всё-таки жило своей жизнью.

А раз так, значит, нужно срочно найти источник беспокойства, пока этот источник не вызрел в нарыв.

Кенстридж сомнамбулическим жестом отставил калебас, который в ответ жалобно звякнул бомбильей.

О чём каждый раз просят «Иностран-шестой» все командующие Легионами? Требованиями чего изводят штабных аналитиков Пространственных Сил начальники комитетов Планетарного Корпуса? Что не перестают повторять во Флоте так часто, что уже не поймёшь, то ли это такое сильное эхо, то ли проблема действительно неразрешима?

«Пришлите ударную космическую группировку для прикрытия».

И стандартный ответ про нехватку сил, и без того расплётных по доброй половине оперативного пространства ГД. Закладываются новые флотилии, готовятся в недрах Эгрегора Элементалей вакуума первые поколения сверхпилотов. Но пока – потерпите.

Кенстридж дрогнувшей рукой запустил ещё один селективный поиск.

Впервые просьба о дополнительном прикрытии со стороны Флота возникла в обширной переписке штаба с Северным Легионом всего два объективных месяца назад. Впервые с момента принятия Капитанским Манипулом «Катрад» командования. Месяц назад просьба была продублирована. Две недели назад автосекретарь как с цепи сорвался – не проходило и стандартных суток, чтобы не было отправлено очередное напоминание. Позавчера этот поток оборвался так же неожиданно, как и возник.

Кенстридж развернул карту предстоящей операции. Основным замыслом Капитанов было боевое прикрытие тыла массивной фронтальной атакой наиболее мобильных сил. Пока оборудование Базы перемещалось, на врага должен был обрушиться такой силы удар, что у Легиона, пожалуй, при должном везении, появлялся шанс, решая тактическую задачу, решить и стратегическую. В случае успеха враг бы оказался настолько обескровлен, что вопрос о его

полной элиминации автоматически становился утверждением.

А вот и ответ.

Кенстридж дал команду на архивацию всего необходимого материала, а сам тем временем уже вызывал вызубренный с годами наизусть код Совета.

Действовать через бюрократическую машину КГС было некогда. Проклятие, почему он не остался в девятичасовом пилоне, пусть там сто раз холодно и неприятно. Уж прогрели бы. Ради дурацкого комфорта потерять столько бесценного времени.

Операция наверняка к этому моменту уже получила подтверждение штаба и, может быть, уже была начата.

Ладони у Кенстриджа перестали потеть. Зато начали дрожать пальцы.

Проклятие.

Хорошо, если удаётся поспать. Хоть сон для подготовленного десантника не является необходимостью, но отдых есть отдых, а в бою лишний ресурс для измотанной нервной системы – та роскошь, за которую стоит побороться. Сенсоры штурмовика активировались, разбудив меня перезвоном контрольных точек.

Работа системы оповещения сигналила – мы подлетали к стартовой площадке, обширной долине, окруженной с двух сторон довольно высокими по меркам планет «голубого ря-

да» двенадцатикилометровыми горными хребтами. Покрытая вездесущим снегом поверхность не давала рассмотреть детали, но тактические карты, заложенные в базу данных штурмовика, говорили о величине скопившихся внизу сил. Первый и Третий Крылья Легиона, уже перебазировавшись, разворачивали свои порядки по обе стороны от нас, в то время как Четвертый и Пятый медленно подтягивались к флангам, всё ещё соблюдая правила перемещения в тени машин Спецотряда.

Я оглянулся, высматривая своих «пассажиров». Всё верно, на броне никого не осталось, пехотинцы остались далеко в тылу, сошли прямо на ходу, даже не удосужившись сообщить. Уж ладно, разбудили бы.

Согласно плану Капитанов они, так же как Второе Крыло при поддержке зенитных мобильных комплексов, прикрывали транспортировку уже наполовину погруженного оборудования Базы.

Массированность задействованных в операции сил вкупе с нашими упреждающими лобовыми ударами должна была отбить у механоидов всякое желание этой переброске воспрепятствовать.

Согласно тому же предварительному плану штурмовики КО оказывались в центре ударной группировки из четырех Крыльев Легиона, тогда как более скоростные истребительные силы, а также вся мобильная артиллерия выстраивались фронтом далеко позади нас. Моим войкам не привыкать сра-

жаться без поддержки, но вот остальным может оказаться непросто. Хотя, мы, Белые Тигры – гвардия, стратегический резерв. Здесь служат лучшие. Пора бы уже в бой. Слишком долго прячемся.

Покуда я так размышлял, наш Капитанский Отряд, ведомый флагманами, приземлился на небольшой заснеженный холм посреди долины. Вокруг, насколько хватало глаз, сверкали на ярком свете полированные бока тяжелых штурмовиков всевозможных типов и конструкций, вызывая при этом совершенно мирные ассоциации – словно стая жуков уселась погреться на солнце. Тоже насекомообразные, пусть и не настолько хищные корпуса «Циклопов» и «Ксерксов» только усиливали впечатление.

Впрочем, мирной картина отнюдь не была. Все были готовы к немедленному старту, от мощности работающих ходовых генераторов дрожал воздух, и даже не задействуя «тактику» я различал, как колыхается воздух в конусах внешних силовых полей. Вся мощь парка штурмовых машин Легиона была готова сорваться в бой.

Мелодичное пение контрольных детекторов моего «Баньши» резко стихло. Индикатор показывал подключение Капитанского канала. Наши командиры хотели сказать пару слов. Я тут же связался с «Бетой», он подтвердил, что да, все с планом ознакомлены, Отряд готов к бою. Лишь теперь я остыл и стал слушать.

– Десантники, – голос Первого Капитана был деловит

и спокоен. – Вы все ознакомлены с полётными заданиями, так что по сути предстоящей операции мне добавить нечего, однако хочется сказать несколько слов от себя. Я надеюсь, что всем понятно: наша цель – отвлечь врага от трассы конвоя наших тягачей, бойцы из группы прикрытия должны в пути заниматься основной задачей, а не жертвовать своими жизнями в неравных арьергардных боях. А потому мы полноценно, всеми имеющимися у нас в распоряжении штурмовыми мобильными силами атакуем ключевой пром-центр врага по вектору, транслированному вам сетью. Забудьте слова «создать видимость атаки», Легион Белых Тигров не достоин игр в прятки с врагом. Мы двинемся на них с такой силой, чтобы они и думать забыли о том, что происходит в нашем тылу. А для этого каждый воин должен помнить только о том, что наша единственная цель – впереди. Штурм будет реальным, так что как только враг допустит хоть одну оплошность, мы тут же ворвемся под прикрытием орбитальной группировки на его территорию и возьмём от этой победы всё, что сможем взять. Пусть каждый из вас выложится, проявит всё свое мастерство солдата и самосознание человека, чтобы приблизить тот день, когда последний контрольный центр врага будет стёрт с лица этой планеты.

Капитан помолчал.

– Ещё. Подвижность сейчас – наш козырь. В случае непредвиденных событий Верховное Командование, согла-

сившись со мной и Капитаном Алохаи, помимо ограниченного орбитального удара разрешило активировать в бою мезонные бустеры ваших машин.

Общий канал дружно задышал. Ребята встрепенулись, я тоже. Прямоточные мезонные ускорители, наиболее мощные из всего потенциала штурмовых сил, были штатно установлены на каждой машине тяжелее стерднетоннажника, но были запрещены для использования на планетах с развитой биосферой, поскольку в отличие от стандартных нейтринных генераторов, замкнутых на ядро местной звезды, среди побочных результатов их работы были разнообразные долгоживущие изотопы, загрязняющие атмосферу сильнее килотонных нуклеарных и кварковых зарядов. Разрешение их использовать, пусть и в крайнем случае, давало нам немалое преимущество в скорости и запасе прочности внешней брони, но планета могла быть в итоге загрязнена остаточной радиацией на столетия вперед.

– И последнее. Если бы Капитаны Олдридж и Корнов сейчас были с нами, они бы пожелали Легиону справиться с задачей и невредимыми вернуться на новую Базу. Десантники Северного Легиона «Белые тигры» Сиреновой Армии Двенадцатой Группы Планетарного Корпуса Космофлота Галактики Сайриус – машины к бою.

С этими словами Капитанский Манипул стартовал по низкой дуге, увлекая за собой ребят из Отряда, которые, не дожидаясь моей команды, тут же начали сворачиваться вокруг

привычно скользивших в колышущемся воздухе на ребре брюхом друг к другу красных «Ксерксов» Капитанов Ковальского и Алохаи.

Обычно я в бою отвечаю за тактическое командование, в то время как «Бета» ведет наблюдение за местностью и потенциальным противником, а «Гамма» отвечает за координацию с соседями и следит за Капитанским каналом, то есть реализует нашу основную задачу. А потому я тут же воспользовался их данными, принявшись корректировать наши порядки.

Подразделения Первого и Третьего Крыльев, соседние с нами, состоящие из тяжелых «Циклопов», представляли собой хорошее фланговое прикрытие, так что, оставив звено «С» висеть на хвосте у Капитанов с указанием «ловить собственными задницами шальные снаряды», я выдвинул остальной Отряд вперед в построение «железный занавес». Пока пусть будет так, а в толчее боя посмотрим.

Занимаясь покуда разными мелочами вроде которой уже проверки готовности боекомплектов, я углом зрения продолжал наблюдать, как стратегическую сетку постепенно заливает зелеными волнами сигналов машин Легиона. Наш Отряд, стартовавший в первых рядах, уже давно затерялся в этом море огней. Тысячи уже безо всякой маскировки набирающих высоту штурмовиков под самым носом у передовых форпостов врага должны были произвести на механоидов должное впечатление.

И точно, не успели мы миновать последние отроги горной цепи, как их оборонительная линия уже выглядела рассерженным ульем. Орбитальные сканеры показали нечто вроде клубящегося зловещего дыма, потянувшегося к нам со стороны промзон. Это работали пусковые шахты и пустели стартовые платформы – к нам приближался враг. Спустя ещё некоторое время стратегический масштаб стал абсолютно бесполезен, так велико было количество сигналов, покрытых к тому же плотной кисеей нанотехнологических выбросов. Надолго их не хватит, те энергии, которые сейчас бушуют в нашем строю, выжигают сверхпроводящие контуры вражеских нановирусов с лёгкостью концентрированной кислоты. Но вот поднять энергию на защитных контурах стыков броневых плит моей «Баньши» – самое время. Эту дрянь мы вычистим позже, сейчас не до них.

Детекторы уже всю сигналили о прибытии первого эшелона сопротивления нашей атаке. Оценка бортового щита легла на панель. Отряду досталось порядка шестисот истребителей модели CS-208 – это легкие машины, вот и подошли первыми, справиться с ними не проблема, но на подходе была куда более тяжелая техника, и тогда наличие у нас под боком скоростных истребителей станет... обременительным. Враг поторопился, бросая их на нас раньше времени, почти по-человечески паникуя. И надо этой ошибкой воспользоваться.

Инициализировав сержантский канал, я приказал звеньям

«А», «D» и «Е» следовать за мной на перехват, затем оставил командование на «Гамму» с «Бетой» и занялся непосредственно наведением огня. Чёткие ряды шедших на нас плоскостным строем типа «графит» истребителей меня уже начали немного раздражать, так что я с превеликим удовольствием переключил панель в боевой режим.

Тут же все видимое пространство покрылось векторами атаки, полями манёвра, областями поражения и прочей тактической информацией. В углу замелькали данные боеготовности и ресурсов, отслеживались первые доступные цели. Краем уха я вслушивался, как по общему каналу «Гамма» разъяснял парням их задачу: «За один заход отработать все цели по максимуму, но чужие – добивать не пытаться. После – сразу назад к Капитанам. „Терис“, „Мостар“ и „Салазер“ – держитесь сзади, подчистите там всё за нами».

На радаре стало видно, как три манипула тут же покинули строй и рассредоточились для поддержки первой волны, в которой летели и мы. «Гамма» с «Бетой», как обычно, принялись машинально описывать вокруг меня петли защитного построения, не отрываясь от тактического командования Отрядом. Моя же задача...

Впереди уже горели цели. Церебр моего «Баньши», заметив, что я переворачиваю машину для атаки, тут же порекомендовал мне сократить дистанцию, чтобы повысить коэффициент поражения. Мне это не подходило. Основное вооружение CS-208 – мощные инфракрасные лазеры – бы-

ло дальнoбoйным и требовало всего десятисекундной паузы на восстановление, остаться же под этими штуками с истощенными экранами лучевой защиты... в общем, и правда, нужно было бить всё с первого захода.

Сверившись с банком данных, я нашёл решение. На борту в боекомплекте удачно было две кумулятивных торпеды класса «Смерч», крайне редко используемые из-за своей низкой избирательности. В самый раз.

Щёлкнув пальцем по сенспанели, я с мрачным удовольствием пронаблюдал, как из боковых бомболоков вывалились мои толстушки. Сработали альфа-водородные ячейки ускорителей, и пара точек на экране понеслась в самый центр строя, уже начавшего разворачиваться для атаки на пределе дальности своих орудий.

Уже несколько одиночных импульсов было обойдено автоматикой, пропустившей их в паре метров от борта «Баньши». Одновременно я, не обращая внимания на зоны прицела вражеских орудий, методично завершал манёвр, в то время как «Смерчи» легко подлетели к цели почти вплотную, где и были с такой же лёгкостью уничтожены. Истребители нырнули в легкое серебристое облачко, оставшееся на экране вокруг места гибели моих торпед. И тут же на их месте развернулся тот самый огненный смерч, давший название типу снарядов. Мощнейшая двухкомпонентная взрывчатка, распыленная при импакте, сдетонировала от их ионизированных корпусов.

Поползли данные нанесенного ущерба, я мысленно похвалил себя за находчивость. Три четверти энерговооружённости первой волны элиминировано, ещё десять процентов повреждено до нелётного состояния. Я отчетливо различал со своей позиции падающие на планету обломки. Уцелевшие принялись хаотично выруливать, стараясь восстановить хотя бы видимость атакующего строя, когда я ворвался в их ряды. Сенсоры прицеливающих систем только успевали перебирать объекты поражения, когда я принялся посылать заряд за зарядом плазменные пучки из стволов бортовых импульсных пушек главного калибра.

Ещё не завершив доворот в тыл, я отключил системы наведения и вернулся к управлению Отрядом, оставляя заботу об уходе от ливня осколков бортовому cerebrum. За кормовым оперением оставалось только падающее вниз искореженное железо, а КО уже вновь в полном составе принялся сворачиваться вокруг Капитанских машин. Повреждения – минимальны, задержек тоже не было, вот только парни из манипула «Салазер» никак не могли добить последний юркий истребитель. Я, с лету развернувшись оверкиль, дал залп. Серебристая искорка тут же полыхнула, в отчаянной попытке увернуться напоровшись на заряд основных преследователей. Велев им возвращаться, я повёл свой манипул обратно в строй – отдыхать было некогда, к нам уже тянулись тяжёлые силы врага.

Две группы штурмовиков FK-класса по сотне машин

в каждом – вот наша следующая цель. Ну, или мы – их, если судить по мощности и тоннажу. Кроме того, эти штуки обладали собственным, независимым интеллектом, а не управлялись из командного центра, как истребители класса CS, так что для успешного ведения боя уже требовалась стратегия. Только я так подумал, как по панели поползло сообщение «Беты»: «Построение „железный занавес-три“. На огонь не отвечать. По команде – переход на „торнадо“. Погнались». Я тут же перестроился, довольный своим напарником, именно такой план у меня уже вертелся в голове. Это будет спектакль, который, увы, враг не оценит. Ну, а пока оставалось только глядеть, как на тебя наводятся стволы, и продолжать следовать своим курсом.

Первый, ближайший к нам отряд вражеских штурмовиков уже активировал силовую защиту, рассредоточиваясь с намерением атаковать нас по всему фронту. Мимо меня замелькали первые снаряды из достаточно весомого арсенала FK, однако Отряд в ответ молчал, экономя энергетику. Две стены стали и огня площадью в квадратный километр неслись навстречу друг другу. Бой такой кучности устанавливает собственные правила, благо скоро станет просторнее.

Когда до нас уже оставалось каких-нибудь три километра, в строй роботов вошел острый клин их третьей волны, на громадной скорости несущейся к нам, чтобы одним ударом разбить наше построение и приняться крошить нас дальше, воспользовавшись своим двукратным преимуще-

ством в огневой мощи. «Перестроение!» – голосовая команда была не нужна, она лишь дублировала квантовый инфоимпульс, однако традиция не изживаема. Тут же центр нашего строя провалился внутрь, образовалась воронка, поглотившая все не успевшие вовремя замедлить свою скорость атакующие вражеские машины. Оба строя всей мощностью ходовых генераторов упёрлись в мёрзлый воздух, насколько возможно гася скорость. Тем временем попавшиеся же на удочку собственной стратегии штурмовики врага уже получали тёплый прием.

Развернувшись традиционной «восьмёркой», я успел внести свою лепту в тот океан огня, что обрушился на врага в центре нашей воронки. Роботы несли на себе мощную силовую защиту, так что тут пригодилась бортовая установка «Игла», срезавшая своим силовым конусом целые куски их допотопных коконов. Радужные пленки полей сверкали ионизированным воздухом, облезая с корпусов обречённых ФК. Их оголённая броня ничего не могла противопоставить залпам в упор из ЭМ-разрядников и мегаваттам ИК-лазеров наших «Баньши». К тому времени, как, увы, трудновосполнимая энергия «Игл» иссякла, последний из состава второй волны механоидов штурмовик уже падал на землю, потеряв управление.

Остальные пытались прорваться к попавшим в западню, но их наскоки покуда успешно отбивались двумя звеньями, оставшимися охранять фронт нашего построения. Теперь

нужно грамотно, не понеся потерь, добить врага. Программируя систему наведения, я снова врубил форсаж, оставляя за кормой огненный дождь – всё, что осталось от сотни грозных машин.

На этом моя роль бойца фактически завершилась, поскольку столь массированных налётов на вверенный нам участок враг больше совершать не рисковал. Теперь задача Отряда сводилась к уничтожению разрозненных соединений врага, мелкими группами прибывающих из-за линии горизонта, а также остатков сил, потрепанных нашими соседями. Отряд, неспешный, как приливная волна, сметал всё на своем пути, а я с ребятами лишь должен был осуществлять должную координацию наличных сил.

Препятствий нашему дальнейшему продвижению перед нами не было, однако от Капитана Алохаи последовал приказ строго придерживаться плана боя и вперёд не лезть. Согласно стратегическим данным, севернее нас шло серьёзное сражение с основными силами второй волны обороны врага. В огневом контакте были задействованы все силы Третьего Крыла и часть парка Пятого. Именно оттуда до нас докатывались совершенно изувеченные штурмовики противника, постоянно отвлекавшие меня от фронтального направления.

Мы оказались уже довольно близко к «пурпурной территории», ещё ни разу не страдавшей от наших ударов, и чем дальше мы продвигались, тем чаще нас встречали баллистические дуги пусков и разрывы заградительного зенитного ог-

ня, доставляя тем самым немало хлопот. Мешало отсутствие прикрытия бронепехоты, которая могла бы эффективно подавить чужие зенитки, штурмовики в целом неплохо приспособлены для ведения приповерхностной войны, но всё-таки – куда приятнее, когда каждый делает свою работу. Тем не менее, звено «В» в составе манипулов «Стар», «Терис», «Этир», «Нокхаус» и звеньевого манипула «Секира» справлялось со своей задачей, отрабатывая наземные цели на предельно низких высотах.

Жаль их. Отряд ослабел без своего лучшего звена.

Пока же мы с текущими трудностями справлялись вполне успешно, крупные же силы нас не тревожили, оттянутые другими участками фронта. Капитаны спокойно занимались командованием, не отвлекаясь на мелкие нападения. Спокойное, размеренное движение, две машины плечом к плечу, никогда не поймёшь, что происходит там, внутри... они, кажется, даже ни разу курса не поменяли с тех пор, как мы пересекли далекую уже горную гряду.

Я неторопливо брёл по одной из тех широченных пешеходных дорожек, что ведут к «Глобусу». Под ногами тихо похрустывал песок, налетал с озера порывистый ветер, и лавровые ветки с царственным шелестом покачивались под его неловкими ухаживаниями. Всё готовило тебя к встрече с высоким искусством. Но в тот раз последнее, что меня интересовало, были плоды чужого и почти чуждого мне творче-

ства. Я вздохнул, оглядываясь. С каждым шагом вероятность встретить знакомого возрастала.

«Не хочу».

Вдоль дорожки по-прежнему были расставлены те могучие чугунные скамейки, на которых мы любили сидеть тихими вечерами. Воспоминания всегда непоследовательны. Ты всегда вспоминаешь то, куда уже не вернуться, а то, куда можно попасть сейчас, всплывает лишь в запоздалых разрозненных воспоминаниях.

Они и раньше мне только мешали, дарёная безупречная память Кандидата была тем единственным, что я никак не мог научиться контролировать, и сейчас я гнал, гнал проклятую память, почему все жалеют, что не помнят каких-то мелких деталей прошлого, а я не могу отринуть то, что банально не имеет больше никакого значения, то, что только и способно доставлять боль.

Никого не воскресить. Так почему они остаются со мной, как живые?

Я должен войти в это прекрасное здание, предназначенное для того, чтобы приносить человеку исключительно высшее эстетическое наслаждение. Мне это было абсолютно не интересно. Просто инфоцентр Изолии Великой сообщал, что она должна быть на репетиции.

– Рэд!!!

Я благодарно улыбнулся, увидев эту фигуру, как всегда живописно окруженную льнущими к его ногам «монтажни-

ками малыми». Таков уж был он, дядя Ваню, как его за глаза называли все знакомые, даже полумозговые автоматы по своему любили этого странного человека. Порою мне казалось, что он более счастлив в обществе этих насекомоподобных механизмов, нежели в человеческой компании. А вот люди его любили так, как его любил я. За жизнерадостность, за глубокое, природное умение создавать уют в нашей жизни, за говорок, за неистребимый оптимизм, трудолюбие.

Впрочем, нет. Мы все, втроём его любили, Творцы же его боялись. Хорошо, что я его встретил, теперь шансы наткнуться на кого-то из них резко сошли на нет.

Я как-то мельком слышал разговор двух Творцов, которые взахлёб друг другу рассказывали, что дядя Ваню для них сотворил, и «это было просто *оно*, великолепное, истинное, однозначное *оно!*» Дядя Ваню был их спасителем, но дай ему хоть повод на тебя рассердиться, и кара была беспощадна, дядя Ваню просто переставал с таким разговаривать. Дня на три. Не меньше. Творцы каждый раз подходили к нему с трепетом, без лишней необходимости не беспокоя. Он же их всех мог раскусить с полувзгляда. Если и был человек на Изолии, которого я действительно был не против сейчас повстречать, так это был дядя Ваню.

Я помахал рукой, ускоряя шаг.

– Не ожидал тебя больше здесь увидеть, Рэд, ох, порадовал ты меня!

– Здравствуй, дядя Ваню! И я не ожидал, иду себе по де-

лам, а тут ты...

Он отогнал совсем уж захмелевшего от общения с ним «монтажника», протянул мне приветственно руку.

– Опять ты меня так называешь, а ведь знаешь, что мне не нравится! Нехорошо!

Его рукопожатие я тоже ценил – в меру крепкое, шершавое, ладонь широкая, теплая и уверенная.

– А как иначе, тебя так пол этого сумасшедшего мира называет!

– Ох уж... и на счет «не ожидал» ты всё врешь, где же мне ещё быть, как не тут? Забыл просто про меня в своих скитаниях... я тебя сколько не видел, страшно подумать. Достали тебя Творцы вконец – разочаровался ты в этом мире, да? Я же вижу, неспроста всё.

Вот вам пример.

– Никак нет, просто служба. Другая Галактика не ближний свет.

Дядя Ваню знал, что раньше это нам не мешало. И взгляд его был твёрд, хотя и светился незадачным вопросом.

– Понимаю. Ну, пошли, провожу. Тебе ведь в «Глобус»? Поговорим по дороге, чего время терять. Хоть и отпущено его нам много, да только зачем зря транжирить?

Неуловимым движением дядя Ваню распустил свою механическую свиту, и мы направились дальше. Снова подул ветерок, принесший лёгкий запах йода и соли, на этот раз со стороны залива.

– Как у тебя жизнь?

– Да как она может быть у погрязшего в делах с ног до головы. Меня все эти последнее время просто со свету сжить вознамерились.

И огляделся вокруг, словно кто-то вокруг уже принялся его «изживать», но люди проходили мимо, не оборачиваясь на нас, вели какие-то свои нескончаемые разговоры, задирали вверх головы, что-то разглядывали, изредка смеялись. Я не заметил поблизости ни одного Творца.

– Дядя Ваню, как ты вообще здесь живешь? На моей памяти не было ни одного инопланетника, который был бы в здравом уме и смог бы при этом прожить здесь больше пары-тройки лет. Они же невыносимы.

И его дежурная ухмылка в ответ. Мы отнюдь не в первый раз вели этот разговор.

– Ой, Рэд, что мне тебе сказать. Творцы... это только так называется, а на самом деле их имя – Маленькие Дети, или Поставь Всё С Ног На Голову, или Что Мне С Вами Поделать... ну и я вроде как приглядываю за ними, космос знает, как они меня с ума не свели. В последнее время особенно. Этот, пухлый такой... ну, ты его знаешь... Митрон! Вот. Этот рыжий стервец нынче всё время в депрессии пребывать изволит, то так ему не так, то сяк не эдак, как на душу положит. Бывает, с самого утра каждый день меня тиранит.

– Вот ты говоришь «космос знает». Внепланетники не любят это выражение. Космос ничего не знает, дядя Ваню. Там

пусто и холодно.

– А ты почём знаешь, вот ты облетал половину Вселенной, а такой простой вещи понять не можешь... Ты знаешь, значит космос знает.

Я похлопал дядю Ваню по плечу. Не хотелось развивать старые дискуссии. Не до того. Вспомнили и ладно.

– Всё из-за Премьеры?

– Угу. Всё из-за неё. У господ Творцов крыша едет, когда сроки подходят. Зритель, он весь как ты, ждать не станет, враз томатами закидает.

Я благодарно усмехнулся. Да уж. Зритель. Творцы зрителей не жаловали и за глаза называли «болванами».

Мы уже вышагивали по широким ступеням, ведущим к десятиметровым воротам служебного входа. Громада «Глобуса» нависала над нами, но в этот раз я не почувствовал привычного трепета, что рождался во мне раз за разом в те, прошлые визиты.

– Тебе, Рэд, куда?

– Вроде бы, третий репетиционный, я точно не знаю.

– А.

Кажется, он и правда не знал, только теперь догадался. Загадка решалась банально. Добродушное широкое лицо словно сморщилось, пытаюсь найти решение, которого не было. А я был для него непроницаем, и подсказать не спешил. Я же не Творец. У меня нет ни для кого готовых сценариев.

– Значит, вот как вышло...

– Война закончилась не для всех из нас.

Дядя Ваню снова пристально заглянул мне в глаза.

– У меня сейчас дела. Заглянешь ко мне в каморку потом? Поболтаем, а то, может, и на рыбалку потом съездим, как в старые времена...

Он всё понимает.

– Да какая же у тебя каморка, дядя Ваню, там же целый сборочный цех поместится! Что ты прибедняешься, в самом деле! Конечно, зайду, как я без тебя.

И улыбнулся. И он мне. Нет, всё-таки, хорошо, что я его встретил. Если и был у меня на этой безумной планетке настоящий друг, это был он, дядя Ваню.

Только я отошел на пару шагов, как вокруг него тут же сгрудились невесть откуда взявшиеся автоматы. Снова в родной стихии. Мне всегда было любопытно, откуда он родом. Что не с Изолии – точно, и я бы не очень удивился, если бы мне кто-нибудь сказал, что он с самого Силикона, с подобными талантами.

Ладно, надо думать над тем, зачем я сюда пришёл.

Огромные залы «Глобуса», освещенные с помощью сложнейшей системы световодов наподобие древних храмов. Повсюду под немислимыми углами падали колонны солнечного света, создавая невероятные эффекты. Лепные потолки, мозаики невероятных оттенков, вычурные изгибы стен... всё это только давило на меня, не позволяя толком собраться с мыслями. Мне плохо, по-настоящему плохо, но я обещал,

и выполню обещанное.

Я заметил Лиану ещё издали, она оживленно беседовала с двумя другими Творцами, но от меня ничего не скроешь, я знал её с первых дней жизни. Я видел, как она росла, взрослела, я знал все её повадки, пусть и скрытые под фиглярской маской Творца. Мне было нетрудно заметить, что за напускным возбуждением, за румянностью щёк прячется синева искусанных губ. Её боль сильнее, чем моя. Она *должна быть* сильнее, чем моя.

«Прости».

Она вскинула голову мне навстречу, упрямо выдвинула вперёд челюсть, стала миг похожа на растопырившего иголки лесного ежа.

С детства такая.

– Лиана, девочка...

– Не называй меня так!!!

Мгновения не прошло, как двое её спутников куда-то исчезли.

– Я не желаю слушать всю ту банальщину, что ты мне собираешься говорить. Мне повезло, меня давно оставили одну, и никого не интересовало, чего я хочу, все слышали лишь себя. И они получили то, именно то, что хотели! А я научилась жить, как велено, сама!!!

Её тонкий голос вновь сорвался на крик.

– Ты, Рэдэрик, со своей дурацкой войной был для них важнее меня, так пусть они и остаются с тобой. В твоей го-

лове, надеюсь, найдется для них место! У них для меня, видимо не нашлось. Уходи, зря ты вернулся на Изолию.

И я остался стоять, опустив руки, посреди огромной залы. Абсолютно один. Я пришёл поговорить. А говорила она. Страшные вещи говорила, но я был единственным тут, кто мог их выслушать. Кто должен был выслушать.

Осталось холодное чувство плевка в лицо.

Если бы всё было так просто, взять и уйти...

Тогда я бы так и сделал, но, к превеликому нашему сожалению, жизнь преподносит гораздо больше проблем, чем способов их решения.

Хотя, честно сказать, был тогда момент.

Один-единственный миг, когда мне захотелось всё бросить. Будем считать всё, что произошло с тех пор, за все эти годы, разрешением той маленькой моральной проблемы.

И для меня, и для Лианы тоже.

«Циззер», распыляете силы – те две группы можно было отработать быстрее – выговаривал я по звеньевому каналу.

Негатив, старлей, сорр, мы не могли зайти со стороны звена «D», там... – слышался голос сержанта Исидо.

Была возможность отработать перехват по схеме «бу-меранг». Подумайте об этом. Конец связи.

Манипул «Циззер», командовавший в то время звеном «С», пусть и не обладал отточенностью техники и тактиче-

ским чутьём ребят из манипула «Секира», мне всегда казался лучшим кандидатом на возможную вакансию Отрядного. У них был потенциал роста и масштаб видения боя, так что мне приходилось постоянно прорабатывать ребят, пусть они побыстрее перерастут синдром рядового бойца, не век же им в звании сержантов оставаться на капральской должности, пусть и в качестве помощников командиров КО. Если всё пойдёт, как задумано, то Легион вскоре получит хороших командиров Отряда, Легион всегда нуждался в талантливых командирах среднего звена, а если нет... Генеральное Командование всегда не прочь заполучить хороший материал для собственной системы подготовки.

Кроме того, в случае чего, наши заместители должны исправно исполнить ту роль, что играем сейчас в Отряде мы. Ребята старались втрое против своих текущих реальных возможностей, так что мои наставления явно ложились в благодатную почву.

Мысли плавно текли на краю сознания, а пальцы в перчатках всё елозили по шершавой поверхности сенспанели, прижимая сектора подтверждения огневого контроля, впечатывая заряд за зарядом в генератор машины врага, ошалело мечущегося в нашем строю. Аккуратно пропустив по правому борту разлетающийся рой осколков, радужным фонтаном взметнувшийся в зелёные небеса, я принялся завершать очередное перестроение.

В тактике поползли данные по всем машинам Отряда. Как

всегда, особенно пострадали ребята из звена «А», по обыкновению укомплектованного бойцами-одиночками. У двух машин отключилась часть огневых ресурсов, силовые экраны были на пределе, так что я им велел держаться поближе к Капитанам и в бой не лезть: «Герои мне нужны в машинах, а не в гробах», – резко ответил я на их возражения. Ребята они рискованные, за ними глаз да глаз, не могу понять, как вообще можно сражаться, зная, что прикрыть тебя некому. Хотя... привыкли, значит.

Позже и мне пришлось привыкать, да только я всё равно в конце концов ушёл из Десанта. Не смог.

Отключившись, я глянул на таймер, операция уже шла пять часов, в то время как для её завершения требовалось, по крайней мере, часов двенадцать, так что...

Я резко оборвал себя, вспомнив слова Капитана. Да, нельзя в бою думать о его окончании. Живи этой секундой, не отвлекайся на какое-то «завтра», вот правило любого сражения. Иначе это не бой, а спектакль, в коконе сковавшей тебя мёртвой материи так просто потерять остроту ощущения реальности, а без неё долго не живут.

«Бета», что с Третьим Крылом, мы ползём, как улитки, даже врага толком не видно.

«Альфа», – услышал я тотчас голос Элиа Лукаса, – Третий завяз в плотном огне, остальные притормозили, чтобы не нарушать целостность фронта, но учти, если прорыв где и будет, так это у них, на фронте Третьего, надо быть

готовым перемещаться туда.

Апро. Отбой.

Я успел услышать гудок отключения лишь за мгновение до того, как бросил свою машину в крутой вираж, уводя её из-под волны ревущего пламени, едва не снесшего мне носовую башню. Бой продолжался своим чередом.

Выжимая ресурсы из генератора, я уже рассчитывал траекторию возврата в строй, нужно снова прикрыть ребят, оставшихся сотней метров выше. Несмотря на отрывочность огневого контакта с противником, это было только начало, если мы всё-таки перестанем ползти и ринемся на прорыв, то дело нас ждёт нешуточное.

«Трудновато будет». Как много и как мало в этих двух словах. Однако не для этого ли мы здесь? Десант всегда делает своё дело.

«И хоть бы звено бронепехов в тыл...»

Долгожданное распоряжение к наступлению мы получили только через час, в 12:44 по базовому времени. Всё прозаично. Пополз по виртпанели текст, «Гамма» просигналил о новом векторе продвижения. Один взгляд на стратегическую сетку, и всё стало на свои места. Пять Отрядов Третьего Крыла всё-таки прорвали оборону противника, и Легион тут же начал стягиваться к центру, ринувшись в эту двухсоткилометровую горловину. Клин строя указывал точно в центр основных промзон механоидов, и именно туда нацеливали наш Отряд Капитаны.

Задача сложная, но я уже знал, как её выполнить. Тысячекилометровый бросок Отряд должен пройти в одиночку, не задерживаясь, по самой кромке виртуальной линии фронта, при этом не завязнуть в мелких стычках и не потерять никого из своих. Я тут же, как можно более деловым тоном отдал приказ: «Борт к борту». Спустя мгновение все девяносто восемь машин Отряда собрались в один ошестинившийся во все стороны стволами «осиный рой», центром которого были капитанские «Ксерксы». Бортовой церебр моего «Баньши» сам просчитал, к чему всё идет, и тут же пропел мелодию, соединяя машины Отряда в единый виртуальный силовой кулак, давая мне возможность управлять всем этим из единого центра.

Теперь наши скромные размеры и загодя дарованная начальством скорость стали нашим главным преимуществом. Когда последний штурмовик слился с пением приборов контроля у меня в ушах своей басовитой нотой, я, мысленно плюнув пару раз через плечо, тронул Отряд вперед. Никогда раскачиваться, время уходит. Разом взвыли воронки нейтринного потока, и пятидесятиметровая чечевица нашего строя рванула на десяти махах вперед.

Экин захлестнул меня словно помимо моей воли.

Потом ты это вспоминаешь как тяжёлый, вязкий сон, состоящий из чужих отрывистых выкриков и смазанных образов несущегося тебе навстречу пространства. Ты отстранён от этой реальности, ты над ней, паришь в небесах, впитываешь

вая в себя лишь самое главное, и действующий в ответ молниеносно, сокрушительно, бесстрашно. Бесстрашно, потому что это не ты, это твоё второе далёкое «я», живой эффектор в собственных руках, своеобразная *Песня глубин* для единственного слушателя. Только длится она совсем недолго.

Вернулась обычная скорость восприятия. КО исправно выразил вокруг меня и Капитанов, каждый уже занимался своим делом, словно это не мы только что осуществили многокилометровый прорыв. Пилоты штурмовиков терпеть не могут шутки с экшном в своей обычной работе. Для постороннего наблюдателя это больше походило на затяжной трансгалактический прыжок в недрах иной проекции, как его описывают. Тот же, кому приходилось в таком состоянии управлять – лучше бы это сделал за тебя кто-нибудь другой.

Координаты прибытия подтверждались спутниковой привязкой. Я выполнил задачу. Рефлексы и бортовой церебр, скармливавший мне данные, всё сработало отлично, да только после подобных экспериментов слегка ладони трясутся. Поневоле.

«Если что и случилось бы, то огорчаться по этому поводу было бы некогда. И некому».

Как дела, солдат? Ты в норме?

Со, Капитан, сорр. Уже.

Тогда включайся, бой ещё не закончен.

Апро, сорр!

Связавшись с новыми соседями, я действительно «вклю-

чился», острие гигантского клина неслошь неударжимым потоком вперёд, навстречу второму слою обороны врага, уже начавшему выстраивать боевые порядки парой сотен километров дальше.

Промзоны врага, выглядевшие как сумасшедшая мазня свихнувшегося художника поверх радарной сетки, уже всю готовились к нашему приходу. Впереди нас ждала самая жаркая часть всей операции.

Но мы были к ней готовы. Впереди принималась ухать молотом о наковальню наша орбитальная группировка.

Выписка из бортового журнала: «Атака за атакой, залпы врага выгрызают дыры в твоей броне, кромсают твою защиту, без конца выматывают нервы. Ты, переживший непрерывных четырнадцать часов боя, становишься вопящим комком нервов, упрятым в толщу машины, но от этого не переставшим быть таким беззащитным. Когда возможности штурмовика подходят к последней черте, за которой – лишь рёв всепожиряющего пламени, тогда он, лишь кажущийся частью тебя, действительно становится тобой, вместо тебя. Твой «Ксеркс» дрожит, проносясь сквозь зону прямого обстрела, замирает от ужаса, провожая глазами лавину огня, что должна спасти твоего товарища, и кричит от боли, когда, несмотря ни на что, из его тела всё-таки уходит жизнь.

Но снова и снова вступает в бой, копя где-то в своем н-фазном нутре поистине человеческую ярость.

А ты... ты просто замираешь и ждёшь чего-то, тебе неизвестного».

Кенстридж кружил по каюте, как дикий зверь в клетке. Ему было безумно тесно в этих стенах, хотелось вырваться отсюда, найти поблизости какое-нибудь место, где было бы много света, много пространства, много людей, лишь бы вырвать сознание из безумного кольца одних и тех же мыслей, превращающих ожидание в пытку.

Набрать многократно проклятый код Совета было делом считанных секунд. Сколько раз ему ещё предстоит активировать в памяти эту последовательность цифр, которая всегда означала одно и то же – ожидание скорой беды. И вестником этой беды был он, инвeстигейтор Кенстридж. В этом состояла его работа, именно этого от него ждали в Совете, но как же он ненавидел себя, такого нужного, такого полезного Галактике, в эти тоскливые минуты.

Кандидат, кодовое имя «Небесный гость», подвергается непосредственной опасности.

И всё. Теперь можешь быть свободен. Ты уже сделал своё дело, разгадал очередной ребус, быть может, слишком поздно, но теперь, поверь, от тебя уже ровным счётом ничего не зависит. Так зачем же ты стоишь посреди пустой комнаты и не можешь оторвать взгляда от двух десятков эрвэ-панелей, которые показывают тебе абсолютно устаревшее к этому моменту прошлое, и не можешь никак оторваться от раз-

ворачивающегося перед тобой маховика судьбы.

Последние уточнения тоже не потребовали много времени.

Кенстридж за пару минут сумел убедиться, что пока он во- зился с информационным пакетом, «Инестрав-шестой» уже успел дать подтверждение – план операции признан разум- ным и подлежит исполнению в любые сроки на усмотрение командования Легиона. С тех пор прошло шесть субъектив- ных часов, и не было нужды гадать – с учётом текущего ла- га декогеренции с ГД в пятьдесят две минуты, по време- ни «Небесного гостя» операция уже должна была длиться не меньше пяти часов.

Манипул «Катрад» так торопился сверстать свой гранди- озный спасительный план, что не стал бы ждать ни минуты, в расчётный момент прибытия подтверждения машины Ле- гиона уже должны были оказаться в воздухе. И если бы под- тверждение опоздало, всё началось бы и вовсе без него, под ответственность капитанов.

В чём Кенстриджу и удалось незамедлительно убедить- ся. Стоило его служебному cerebrum добиться подключения к трансляции по прямому каналу, который согласно всем правилам был запущен орбитальной группировкой в момент начала первого огневого контакта. Штабы КГС кто-то очень любезный попросил поделиться с Кенстриджем информаци- ей. И он даже догадывался, кто.

Иногда прямая связь с Советом могла быть полезной, хотя

обычно от этого ему были одни неприятности.

Канал работал на полной мощности, но её не хватало. Позволить себе стационарный орбитальный ретранслятор с базой, разнесённой в плоскости эклиптики, Легион не мог, орбитальная же группировка была слишком мала, чтобы поддерживать достаточную входящую мощность сигнала, так что в результате приходилось довольствоваться малым – тактикой отдельных Отрядов, переговорами офицеров и телеметрией с базовых наблюдательных станций.

Всё это с мучительной дотошностью Кенстридж вывел во круг себя, и теперь кружил в этой информационной клетке, не умея из неё вырваться.

Он смотрел на безумно далёкую историю и не мог заставить себя поверить в то, что все эти люди уже могут быть мертвы, а он об этом узнает лишь долгих пятьдесят две минуты спустя.

Плечо Эрхаузе космологических инфлатонных полей было неумолимо. Субпространственные модулированные нейтринные пучки формально двигались вдоль соседних бран относительно «физики» с бесконечной скоростью, не подчиняясь обычным ограничениям на скорость светового пучка, но эта условная бесконечность упиралась в другой предел – темпоральной декогеренции. Фронт сигнала на межгалактических расстояниях вместе с метрикой пространства начал «растягиваться» во времени поперёк несущего потока, так что приёмник мог начать достоверно считывать получа-

емую информацию лишь спустя определённое время, соответствующее полуволне Эрхаузе, тем большей, чем большее расстояние прошёл сигнал. При текущих взаимных положениях Сектора Сайриус ГС и Двадцать четвёртого Сектора ГД это плечо и составляло пятьдесят две проклятых минуты. Обмен сигналами занимал вдвое больше.

Это было сейчас равносильно просмотру хроники вековой давности. Кенстридж наблюдал, как колеблется вражеский фронт под ударами тяжёлых штурмовиков Легиона Ковальского, как стягиваются для контрударов боевые машины механоидов, как сбивает их слаженное взаимодействие шумовая завеса от спецсредств, как накрывает плацдармы средней дальности орбитальная группировка, получившая сегодня возможность хоть частично не стесняться в средствах, ограниченная главным образом требованиями к безопасному расстоянию от проникших глубоко на чужую территорию пилотируемых штурмовиков Легиона.

Кенстридж наблюдал за этим всем, как за танцем смерти, который разворачивался перед ним без возможности как-то повлиять на его исход. И всё чаще слезящиеся от долгого напряжения глаза инвентигейтора косились на единственную беспросветно-тёмную виртпанель.

В его мозгу свербела безответная мысль – а будь у него право и возможность прямо сейчас связаться с «Небесным гостем» и сказать... что он вообще мог сообщать Ковальскому такого, что стоило бы произнесения вслух?

Попытаться объяснить, зачем он и его ребята нужны Галактике? Напомнить, что Ковальский не один, что за него есть кому искать и находить ответы? Те самые ответы, которые не предназначались самому Ковальскому.

А может, его стоило бы предупредить? Раскрыть карты, сказать, что на его стороне работает могучий механизм разнообразных Галактических институтов во главе с Советом Вечных, и что его план уже не нужен, что можно отводить Легион, готовиться к худшему и беречь силы?

Кенстридж кисло ухмыльнулся.

Посмотри на этот театр военных действий, инвестигейтор. Всё идёт, как шло. В точности согласно плану. Никто не собирается сворачивать операцию.

Можно было только гадать, какие выводы сделал для себя из полученных от Кенстриджа данных сам Первый, но куда последствия этих решений оставались сокрытыми под непроницаемым пологом пятидесяти двух минут.

Где-то там, вдалеке, что-то происходило, что-то грандиозное, но вот что?

Совет мог отправить Ковальскому сигнал опасности, не вдаваясь в подробности. Мог приказать свернуть операцию. Мог раскрыть все карты, расписавшись в собственном бессилии.

Кенстридж снова покосился на чёрную виртпанель.

Да, ответа всё не было. И это изводило его больше всего. Его многострадальная находка на самом деле не изменила

ничего. Хотя бы приблизительно было понятно, где искать. И даже, наверное, что искать. Но чем искать и самое главное, что потом с этой находкой делать – оставалось непонятным.

Да, флотская разведка наверное в этот момент работала в авральном режиме, по тревоге поднимался персонал космических крепостей и дежурных флотов, архивы перелопачивались в поисках свежих разведанных, и самое главное – собирались все силы, которые можно было стянуть в тот отдалённый участок пространства ГД.

Их было негусто.

Шла война, все наличные силы и так были задействованы на своих участках боевых действий, флотские резервы были не бесконечны, и нужно было время, многократно проклятое время, чтобы перегруппировать корабли, не оголяя при этом другие участки. Ведь если подумать, планета не стоила таких усилий, к тому же вся свистопляска по факту началась из-за смутных догадок одного старого усталого инвестигейтора, у которого только что родились ещё две внучки.

Или из-за паранойи Капитана Ковальского. Или из-за них обоих.

Да стоило ли вообще сообщать об этом?

Через пару часов всё и так разрешится само собой. Ковальский с наскока возьмёт штурмом центральный промсектор врага, а вся эта кутерьма забудется, как страшный сон.

С чего ты взял, инвестигейтор, что только ты в этой истории прав?

Каков шанс того, что Совет сообразил, в каком цейтноте он оказался, и не стал ничего предпринимать, что эта вирт-панель так и останется чёрной, сколько не сверли её глазами? Что, если уже ничего нельзя сделать, и у этих ещё живых воинов на поверхности бесконечной далёкой безымянной планеты уже нет шансов, и им просто оставили возможность до последнего думать, что судьба – в их руках?

Нет, так нельзя. Это бесчеловечно.

А что человечно?

Швырнуть в сторону уже завязшего в боях Легиона инфопакет, так, мол, и так, мы делаем всё, что в наших силах, но помочь вам в данный момент не представляется возможным, потому что мы и сами не знаем, чего вам ждать, и мы не уверены даже в том, верны ли наши вводные данные, что наша слежка за вами несовершенна, что мы вам не слишком доверяем, Капитан Ковальский, держали бы вас на коротком поводке, и возможно, ваши люди бы сейчас не гибли.

А может, Совет так и поступил? Признался во всём, после чего «Небесный гость» в своих сумрачных глубинах стиснул зубы и продолжил действовать по старому плану, ведь решил же он однажды, что это единственный путь?

Кенстридж со злостью стукнул раз и второй по собственной раскрытой ладони, да только боль в запястье не помогла.

Это был замкнутый круг, из которого не выбраться. Что он знает о Первом? Что он знает о Совете? Что он знает о Ко-

вальском, кроме тех крох, что они ему доверили.

Знаток душ Кандидатов, гроза подчинённых, трижды дед инвестигейтор Кенстридж.

Ничего-то ты не знаешь. Твой удел – вот эта чёрная вирт-панель.

Оставалось молиться, чтобы Капитанский Манипул «Катрад» всё-таки сумел довести свой самоубийственный план до конца.

Только чёрные небеса «Инестрава-шестого» были глухи к подобным мольбам, там не было ничего, чему можно было бы молиться. Живые боги человечества обретались внутри силовой скорлупы титанической космобазы. И они сделают, что могут. История покажет – уже показывала миллионы раз до того – как много и как одновременно мало они могут.

Между тем драма, скрывающаяся за схемами и визуализациями, продолжала разворачиваться перед Кенстриджем во всей своей неприглядной красе.

Ударный клин Легиона сначала ринулся в обнаружившийся просвет вражеского строя, ломая чужое построение, на полном ходу, на немислимой для тяжёлых штурмовиков скорости, не давая противнику опомниться, собрать силы для контратаки. Но без прикрытия отстающих флангов центр с каждым пройденным километром подвергается всё большей опасности отсечения и блокирования над территорией вражеских промзон.

Рискнёт Ковальский или нет?

Кенстридж не был великим военным стратегом, но он недаром столько лет по крохам изучал психологию «Небесного гостя». Он видел, как колеблется Капитанский Манипул, разрываясь между такой близкой, такой ускользающей с каждым мгновением победой и необходимостью удерживать своих людей от рискованных манёвров. У Легиона не было сейчас за спиной так необходимой ему поддержки с поверхности, не было мобильной бронепехоты, лёгких истребителей прикрытия и зенитной артиллерии. От орбитальной группировки же при такой плотности контакта и вовсе не было никакого толка. А значит, нужно во что бы то ни стало держать линию фронта, тормозя прорыв, подставляя под огонь столкнувшиеся с яростным сопротивлением фланги, теряя людей.

На войне всегда гибнут люди, разница лишь в том, становились ли они при этом бессмысленными жертвами чужих ошибок, до последнего сражаясь на стороне собственного понимания своего высшего предназначения, сознавая, что их смерть не была напрасной.

Кенстридж наблюдал на эрвэ-экране огненную дугу мучительно выгибающейся виртуальной линии фронта, сверлил взглядом опасные участки и с облегчением переключался на другие, когда опасность прорыва миновала.

Сколько невероятной силы воли было вложено в этот бросок, сколько сложнейшего стратегического расчёта и тактического таланта, а ведь те двое, что управляли сейчас

этой слаженной боевой машиной, не сидели сейчас, как Кенстридж, в прохладе бункера, они были там, со своими людьми, в самом пекле, под огнём. И потому могли решать, насколько оправдан риск.

Десант всегда так воевал. Никаких автономных телеуправляемых систем, никаких церебров, только люди. И дело тут было не в потенциальной опасности взлома контрольных кодов, хотя механоиды были горазды на такие методы ведения войны, дело было в самом принципе.

Человечество с самого Века Вне так воевало.

Солдат и его война. Один на один. Неважно, что враг бесчувственен и безмолвен. Неважно, что он, вообще говоря, неживой. Иначе всё бессмысленно, подвиг превращается в своё механическое подобие. За которым – неминуемое поражение и всё равно смерть. Только уже не только твоя лично.

И потому Ковальский не мог бездумно бросать в бой отряд за отрядом, как это делал его противник, ему нужно было беречь тот единственный ресурс, который не восполнят никакие транспорты из метрополии. Людей.

И потому в итоге он сдался.

Решение было принято, это Кенстридж понял мгновенно. Немного дольше сменным манипулам разрешили задержаться в тылу на отдых, чуть замедлилось продвижение вперёд, едва начал сокращаться по краям фронт, ударные Отряды уже не так яростно бросались в любые открывшиеся просве-

ты в обороне врага.

Что ты делаешь, Ковальский, на что надеешься?

Даже если Совет тебе так ничего и не сообщил, у тебя есть твой «Небесный гость», спроси его, спроси себя, чего ждёт Легион уже вряд ли на новой Базе, а скорее на полпути назад из-под угрозы окружения.

Но нет. Не может он никого спросить.

Обессиленный Кенстридж снова убрался в угол к своему креслу и забытому калебасу мате.

Если он был прав в своих построениях, то конец уже приближается.

Что бы ни ждало Легион в дальнейшем, это будет уже не война, а гонка наперегонки со смертью. Иначе зачем несколько часов назад Ковальский так яростно тянулся своей армированной перчаткой к горлу врага? Зачем весь этот безумный риск и невероятное же военное мастерство?

Всё теперь бесполезно. Легион поворачивал домой.

Нет, конечно, допусти прямо сейчас чужеродный разум заметный просчёт, ему не дадут шанса его отыграть назад, здесь воевали величайшие мастера своего разрушительного, но одновременно спасительного ремесла.

Но враг ошибок не совершал.

Да, он тоже до предела измотан, если это слово применимо к толком не исследованной квазиживой плоти механоидов, он сжёт в пламени орудий Легиона большую часть своих сил, и на восстановление ему понадобятся годы, как будто

они у него остались в запасе. Но то, что осталось, продолжало быть серьёзной угрозой для изношенного, истратившего спецсредства и забравшегося слишком далеко от дома Легиона.

Путь домой на взгляд отсюда, из бесконечного далёка пятидесяти двух минут, был ничуть не более безопасным, чем продолжение атаки. Но всё-таки Ковальский принял решение отступить.

Кенстридж устало потёр глаза. Если он устал, стоя тут и глядя на симуляцию, то как устали десантники там?

А потому стой и смотри. Это твоё решение, возможно, оказалось слишком запоздалым. Это оно, возможно, завершит сегодня дело кодового имени «Небесный гость». Это оно, возможно, стоило жизни целому Легиону.

Который сейчас неторопливо, подобно левиафану, принялся подбирать растянувшиеся в пространстве щупальца Секторов и отдельных Отрядов, и постепенно начинал обратный ход.

В тот момент, когда орбитальная группировка начала прощальный салют, расчищая Легиону путь к отступлению, Кенстридж почувствовал, с какой силой колотится его сердце. Чёрная виртпанель сменилась сверкающим символом ожидания. Слепленная из двух протуберанцев двойко изогнутая буква S могла нести что угодно, спасение или смерть. Но она означала одно – Совет нашёл разгадку. Мучительное ожидание окончилось.

Но лучше бы оно продолжалось дальше.

В висках всё бил и бил кувалдой о металл набат сердцебиения. Разгадка не была концом, она была только началом. У Кандидата Ковальского в деле мелькнула очередная пометка. Он снова подтверждал неслучайный выбор его кодового имени. Возможно, последний раз в жизни.

«Мы с Капитаном Алохаи посчитали, что на данном этапе операции будет нелишним подвести некоторые итоги сегодняшней кампании.

Фронтальная атака провалилась, вам это прекрасно известно. Мы ещё потесним врага на некоторых второстепенных участках, постараемся нанести как можно больший урон их инфраструктуре и мобильным ударным подразделениям, однако на этом можно смело признавать наш первоначальный план не актуальным, и в дальнейшем действовать согласно тактической обстановке.

По предварительному анализу Капитана Алохаи главная наша ошибка состояла в пропущенном незначительном отклонении первоначального вектора атаки – ударные подразделения, брошенные противником на наш фланг еще в первой фазе операции, я имею в виду боестолкновение в квадрате UF-4, сдерживали правый фланг достаточно, чтобы мы вынуждены были отклонить фронт на десяток градусов влево. На схеме видно, что произошло дальше.

Группировка врага, которая сумела на время замедлить

Третий и Пятый Крылья, лишь усилила первоначальное искажение генерального плана, всё дальше оттягивая нас назад по таймингу. Вместо того, чтобы ворваться на скорости на их территорию, заставляя бомбить собственные промзоны, мы завязли в череде мелких стычек над второстепенными комплексами механоидов, не имея возможности разрыть строй без поддержки с поверхности.

Механоиды – не очень хорошие стратеги, то даже таким незначительным преимуществом они успешно воспользовались. Теперь мы слишком далеко на чужой территории, так что сбор всего Легиона для обратного прорыва потребует значительного времени, и теперь орбита нам не поможет. Второму Крылу следует быть готовым обеспечить основным силам прикрытие на отходе в случае непредвиденных сюрпризов из нашего тыла. Мобильная пехота основными своими силами остаётся встречать нас на равнине, наземные мобильные комплексы также остаются на прежних позициях.

Далее. Транспортировка Базы ещё не завершена, поэтому не забываем, что это основная цель сегодняшней операции, поэтому разведка врага должна по-прежнему оставаться в неведении о перемещениях за условной линией фронта. Осталось самое сложное – силовые щиты заметно истощены, и ресурс машин не бесконечен, нужно аккуратно, как на учениях, свернуться и отступить. Личную работу с манипулами оставляю на ваше усмотрение.

Надеюсь всех вас увидеть завтра на разборе полётов в ку-

поле Капитанского Отряда.

Брифинг окончен».

Отряд был измотан до крайности, постоянные перемещения с фланга на фланг лишали меня остатка чувства ориентации в пространстве. Где мы, какое подразделение прикрываем, в тылу мы или на самой линии фронта. Откуда ни возьмись явившийся нам на голову плотный снег, закрывая прямой обзор, заставил немедленно отключить внешние видеорецепторы штурмовика, и я с головой погрузился в пространство фантомов тактического интерфейса. Мысли терялись в нагромождении полей и векторов, в таком режиме невозможно оставаться до конца участником сражения, ты волей-неволей отстраняешься от этого бредового хаоса, становясь инертным. Всё чаще и чаще мне приходилось уводить ребят в тыл, где парни могли хоть немного отдохнуть и прийти в себя.

В каналах связи царил тишина. Все вымотались. Я даже не мог припомнить, когда в последний раз с кем-то выходил на связь. Только сейчас, когда моя машина спокойно висела бок о бок со штурмовиками Капитанов в самом центре водоворота боя, я ощутил *тишину*. Здесь нельзя было вообразить, какой огненный дождь изливается на землю в десятке километров отсюда. Снег шипел на раскаленных бронеплитах, да вспыхивали вольтовыми дугами стыки в том месте, где направляющие силовых полей вплотную прилегали

к выступающим частям моего «Баньши». Накачку экранов приходилось уже серьёзно беречь, сворачивая кокон до минимума, экономя на касательных попаданиях.

Не веря самому себе, я активирую область контроля связи.

Лишь бы она тоже отдыхала в этот момент...

В тот раз мне повезло.

Капрал Иреннис, на связи КО.

Её лицо, возникшее передо мной, было неестественно напряжено, почти перекошено.

У меня такое же. А может, и похуже.

Как вы там?

Держимся. А вы?

Тяжело ждать. А так, сейчас снова передышка, осталось километров сто пятьдесят.

Готовьтесь, похоже, скоро ваш ход. Береги себя.

Апр, сорр! И тебе счастливо.

Образ погас, напоследок вымученно улыбнувшись.

Я выдохнул и вернулся к текущим делам. Повторный прозвон энерговодов на бортного вооружения. Да уж... этот блок готов – прямые попадания для штурмовика даром не проходят. Как глупо – из всего арсенала теперь функционирует всего четыре установки. Бой не пощадил мою «Баньши». Анализаторы систем авторемонта давали «серые» результаты по всем каналам – регенерация лишь на Базе, хорошо, что всё штатно заглушено. В чудовищном пекле сражения не вы-

держивают даже сложнейшие системы авторемонта. Торчащие оплавленные обрубки насекомообразных конечностей – вот верный сигнал тому, кто считает, что даже самая мощная броня позволяет совершать ошибки.

Третья смена! Вернуться в бой, к нам идут.

Активировать ходовую. Тактику на основную виртпанель.

Я вновь обрел дар управления машиной, по короткой дуге выходя на курс, и поспешил присоединиться к ребятам, находившимся в самой гуще боя.

Продолжим.

Залп, уход, доворот, блок, *удар!*.. всё в жутком карусельном темпе.

До оцепенения, до полного исчезновения страха, до океана ярости, плавающего твой мозг.

На момент поступления сигнала к началу движения Отряд потерял двенадцать машин – больше, чем за последние полгода.

Хуже было другое.

Совсем другое.

Девять человек из этих двенадцати уже никогда не увидят свои родные миры. Каждый из них мне был не подчинённым – товарищем. Я знаком с их родными, помню наизусть дни рождения, любимую музыку, пару анекдотов о их родной планете и количество лун вокруг неё. Лун, которые больше не их луны.

Они остались просто набором атомов, подвешенным в пу-

стоте космоса, как и вся остальная неживая, и потому никому не нужная материя.

Атомная дрожь. Бесконечность, возведенная в неизмеримую степень. Мрак-свет, чудесный коллаж фантомов, несущихся из ниоткуда в никуда. Атомы просто существовали. Им не было дела до того странного понятия, которое называется нашей вселенной. Отсюда, изнутри, всё выглядело совершенно иначе. Нет горя, нет радости, боли и счастья. Есть только атомная дрожь и вероятность состояния. Голая математика сгустков энергии не скрывала под собой ничего особенного. Только бесконечность сочетаний квантовых бездн превращала *ничто* в реальность. Это в нашем мире вакуум космоса был разорван всплеском чудовищных энергий. Распоротое пополам пространство задрожало и на свет появились огромные структуры, порождения нашего и не нашего миров. Все завертелось в эйфории осколков частиц и гибнущих душ. Продукты тысячелетних цивилизаций, продукты миллиардов лет эволюции сражались за право устанавливать свои законы над частицами этого кусочка пространства. И разве атомам не все равно, куда кинет их очередная флуктуация, и есть ли у неё разумное начало. Есть ли у тех фантомов душа...

Да что душа, тот же фантом.

Что бы ни происходило в макрокосме, здесь от него оставалось лишь дрожание атомов. Говорят, и оно ко-

гда-нибудь прекратится, но, между нами, это будет нескоро, а до тех пор...

Симах Нуари зябко повел суставами *крылий*, преодолевая последствия *сгущения*. Тяжело чувствовать себя буквально смертным. Неприятное ощущение возникло сразу после беглого взгляда на план сражения. Кандидат как всегда оказался в самом пекле, при существенном превосходстве сил врага. Однако он умело руководил своим Легионом и успел значительно продвинуться в глубь чужой территории. Он добился своего и теперь, когда силы его всё же иссякли, а они всегда кончаются, рано или поздно, ему следовало отступить, перегруппироваться, отремонтировать парк машин и ринуться дальше делать своё дело, пусть не сразу, но победа была близка. Всё грамотно, расчётливо и чётко. Но судьба подчас губит даже лучшие таланты, будь они хоть сколько гениальны в своих планах.

Сегодня она приготовила им обоим такую проверку на талант и везение воина, что не пожелаешь и последнему ракшасу, кажется, так в террианской мифологии звали демонов-людоедов.

Нельзя сказать, чтобы Симах Нуари привык о чём-то жалеть или что-то просить у судьбы, нет. У Тсауни в словаре не было такого понятия, как «сожаление».

Просто сегодняшний день может многое изменить в истории Метагалактики, а ему, Симаху Нуари, не дано и толики сил, с помощью которых на эти последствия можно было бы

хоть как-нибудь повлиять... От него сегодня ничего не зависит, разве что от Кандидата.

Повинуясь сухой команде, флот Тсауни ринулся на врага.

– Дядя Вано, ты мне скажи, почему на Изолии так мало дней с плохой погодой. Мне здесь постоянно чего-то не хватает. Маленькой грозовой тучки у горизонта. Эти красоты кажутся приторными, источенными сотнями лет спокойного любования. Сюда бы грозу, бурю! Чтобы мы не сидели вот так, свесив ноги, не рыбачили, тихо переговариваясь, а кричали бы в голос посреди штормящего моря.

– Ох уж мне эти молодые да скорые! Всё вам шуму подай, тишина их не устраивает.

Голос дяди Вано пронизывал его собственный, колоритный юмор, но я почувствовал, что он доволен, мало того, откровенно дожидается хорошего, мужского разговора.

– Шум шуму рознь. Просто... ну, так не бывает, даже на базовых мирах Терраформеров ГИСа заведены сезоны, всякие погодные неожиданности, что природа любит выкинуть. Что тут хорошего, когда столетия подряд одно и то же?

– Рэд, ты ж сам понимаешь. Вся, что ни возьми, Изолия – есть декорация. И только. А уж во что её Творцы завтра возжелают превратить... Они и сами не знают. Вот будет Премьера, так они в тот день ещё не такое устроят. А может, возьмут, и ничего трогать не станут, оставят как есть.

– Говорят, «Изолия-Мейджор» уже отправилась в полёт?

– Да, полетела, милая, теперь подопочные пуще прежнего меня кушать примутся. А всё-таки, почему, как сам считаешь, тебе спокойствие здешнее не нравится? Только ли потому, что всё так предсказуемо?

Будто я знаю. Вот уж, это вопрос, на который толком не ответишь.

– Не по мне это. И всё тут.

– Хе, это в тебе говорит солдат, ему странно наблюдать, как людей десятки лет окружают тишина да спокойствие, хочется крика, надрыва, сражения. А здесь все не такие. Буря в душе, борьба идей, всплеск эмоций. Сидит иной такой Творец в своей келье, может полжизни просидеть, в поисках верного слова. А потом выйдет, и всем тут покажет. Или не выйдет и не покажет. Всяко бывает.

Я решил не отвечать. Всё равно толком не смогу сказать.

– Ведь всё это дорого и тебе тоже, но – оно слишком уж много сил отнимает, Изолию можно просто и инертно любить, за неё не нужно бороться, если ты не Творец. А ты не Творец, я знаю.

– Ох, дядя Ваню.

– «Нельзя рисковать собой, не поняв до конца, что именно ты хочешь этим защитить»? Не это ли ты мне в прошлый приезд декламировал? Вот ты и принял свою жизнь как само собой разумеющееся, как единственно возможный вид существования. Ты не должен быть прост, как те вояки, которых встретишь в любом порту. Так неужели я не прав?

Только не обижайся за своих братьев по оружию, их жизнь действительно проста и безыскусна, они сражаются, жертвуют своими жизнями. И всё. Штатский вынужден придумать куда более прозаические оправдания своему существованию.

– Ты считаешь, что я размениваю свой собственный внутренний мир на физику, рефлексy, чистую борьбу за собственную жизнь, без изошрённых эмоций и долгих планов, что мне чужда глубина?

– Да нет, что ты. Просто ты говоришь себе, что твоя психика не может пережить и то, и другое разом, что ты просто сломаешься. Я же вижу, Рэд, ты слишком ценишь тишину и тепло внутри себя. Слишком много, видать, сил и слез ушло на их создание. И ты уже не можешь сделать так, чтобы и там была буря. Чересчур много былой боли, чтобы терзать раны без надобности. И ищешь, и находишь ту самую грозу на горизонте – снаружи. Да только не всякая тишина годится человеку, как и не всякая гроза.

«А твоя могилой отдаёт». Это я сам тогда додумал или случайно с ним соприкоснулся мыслями? Не знаю.

Я помолчал, молча глядя на поплавок, подсёк, аккуратно снял рыбешку с крючка, осмотрел, выпустил обратно в воду, насадил червя и снова закинул.

– Я ушёл из Десанта. Насовсем ушёл.

Дядя Ваню удивился, но показывать этого не стал. Вот как. Он до последнего был уверен, что даже причина моего по-

следнего здесь появления не заставит меня свернуть с избранной когда-то тропы. Всё так же, не оборачиваясь на меня, он принялся теребить подбородок. Хоть чем-то я сумел его поразить.

– Bravo. Хотя... я тебе не завидую, причина-то всему ой какая. Это всё как-то связано с твоим здесь появлением? Ты же здесь не просто сообщить Лиане, тем более, что она и сама поди знает.

– Почти, дядя Ваню, я вообще-то хотел в наших с ней отношениях кое-что переиграть, раз уж обещал, но вот, не вышло. Завтра улетаю обратно в Галактику.

– Загадками разговариваешь. Ну, не хочешь говорить сам, пытаться не стану. И что ты собираешься делать? Не присмотрел ещё себе тихий мирок здесь, в старых Секторах?

– И в мыслях не было. Хочу побродить немного по Вселенной, давненько не выходил в свободное плавание. Вот, начал с Изолии.

– Устал? Видок у тебя, ежели правду сказать...

– Честно? Очень. Оглядываюсь назад, на свою жизнь, и так тошно становится, что хоть волком вой.

– Это ничего. Это ещё вполне можно пережить.

Мне показалось, что на какое-то мгновение его сознание закрыла непроницаемая броня, я ничего не смог уловить. И тут же встrepенулось во мне безумное эхо. Что-то почувствовало.

Продолжил он не сразу.

– Мне тоже бывало плохо. Я и на Изолии оказался-то по этой причине. И, как видишь, до сих пор живу, ценю то малое, что мне осталось.

– И я так хотел бы... но вот, не получается. Ищу.

– Ничего, найдешь, да только...

– Что «только», дядя Ваню?

Он вздохнул.

– Я боюсь, что твой путь ещё далеко не завершён, ты можешь застать ещё не один миг отчаяния.

– Зачем мне всё это? – не знаю, почему, но в тот момент я весь вскинулся. – Я и сейчас-то не знаю, что с собой поделывать!

– Никто не знает, вдумайся в прошедшее, может, что и поймёшь. Ты для этого достаточно необычный человек...

– Да я обычный, самый обычный!

– Не-а. Не выйдет. Загляни *теперь* себе в душу, что ты там видишь?

– Только пустоту, заполненную мыслями и эмоциями, а ещё массу добрых и горьких воспоминаний. Как у всех людей.

– Ой, нет, вот когда твоё истинное «я», которое ты еще не осознал, воспрянет... Тогда ты вспомнишь, всё вспомнишь. Я не лекарь человеческих душ, я простой представитель вымершей профессии. Бродячий философ, которого все считают трудягой-инженером. Здесь, на Изолии я повидал всякого, да и до этого... И чутью своему привык дове-

рять.

Я не нашёлся, что, ответить, чересчур всё это... напыщенно звучало. Поэтому оставалось снова под качание поплавка и плеск волн о сваи погрузиться в молчание. Странная штука жизнь, прожил я на свете столько лет, а не удосужился и пару раз вот так сесть, просто собраться с мыслями. Вот чем хороша служба, она дает тебе полную уверенность в том, что всё происходит именно так, как нужно, а что остается там, у тебя внутри, оно как-то и не очень важно.

И всё же дядя Ваню в чём-то прав, я ведь родился на планете, патриархальнее которой не найти, хотя все и почитали её фронтиром. Тихий мирок, искусственные грозы и скромные планы на будущее, обязательно содержащие в себе несчётное количество подвигов. Я даже гибель родителей в итоге воспринял, как должное, не прочувствовал, не обдумал. Только теперь, повидав смерть во всех, пожалуй, её проявлениях, начинаешь осознавать что-то такое, что есть только там...

Подвиги, вот где они у меня сидят, подвиги эти, я разочаровался в своей войне. Нельзя сражаться с «ником», нельзя победить «ничто». Рано или поздно кто-то победит, судя по последним событиям, скорее мы их, ну и что? Да ничего, для большинства жителей Галактики эта война уже завершилась сотню лет назад. Что будет через век-другой, я и подумать не могу. Победы не заметят. Или произойдет чудо и Галактика изменится.

Борьба... даже ты, посвятивший ей всю жизнь, не хочешь в ней прожить остаток лет. А что другие?

Почему на Изолии не бывает бурь... тебе ли задавать такой вопрос?

Да тебя всю жизнь окружает гробовая тишина. Ты даже плакать не смог научиться, вояка. А ведь в детстве все умеют плакать, ты вот разучился, а вернуть это умение не смог.

Эх, ты...

– Смотрите, дядя Ваню.

Метрах в пятидесяти от нас по воде шла молодая женщина. Обострившимся зрением я мгновенно разглядел каждую чётточку сверкающей на солнце фигуры. Маленькие, обутое в сандалии ступни едва касались воды. Стройные ноги, широкие бедра, волосы, развевающиеся на легком ветру. Тонкие запястья парили в воздухе, повторяя очертания колышущихся под ними волн. На ней была накинута лишь короткая пелеринка из полупрозрачной тонкой ткани, едва прикрывающая налитую молоком грудь. Да, он отчетливо понял, что она не так давно, может, дней двадцать назад, родила ребенка. Ещё слегка округлый живот эффектно выглядывает из-под кокетливо колышущейся ткани, вокруг сосков темнеют пятна проступившей влаги. И глаза. Пронзительно голубые. Она вся была воплощенным материнством.

– Лебёдушка плывёт...

– Что? – я засмотрелся и не расслышал.

– Я говорю, вот ради таких картин и стоит жить.

– Да. Что ни говори, есть на свете вещи, которые ценишь просто за факт их существования, просто так, безо всяких собственнических замашек. Любя и всё.

Дядя Ваню усмехнулся, похлопав меня по плечу.

– А как у самого-то на личном фронте? Поди присмотрел себе эдакую чаровницу?

– Да вот и нет, не угадал. Я и с женщиной-то в последний раз был не помню когда, а уж про любовь и думать не вспоминал. Служба она такая.

– Ой, Рэд, не говори мне про службу! Судьба она вот какая – чего просишь, то, в конце концов, и получаешь. Вот скажи честно, готов?

– Теперь даже не знаю, то есть... не знаю. Честное слово.

– Да уж... значит, скоро будешь готов. С тобой явно что-то произошло, что-то более глубокое, чем ты мне хочешь рассказать, после такого человек меняется.

– Быть может, да только мне вот что горько... Почему нужно было обязательно этому произойти, чтобы я понял? Почему только так?!!

Дядя Ваню ответил не сразу.

– Загадки твои мне всё равно не понять. А гадать – что толку.

– Не могу. Мне об этом нужно рассказать, но не тебе, дядя Ваню, и на два подхода у меня не хватит сил. А говорить надо искренне, иначе всё прахом.

– А ты всё продолжаешь надеяться...

– Да. Надеюсь. Но, в любом случае, завтра улечу. И будь как будет.

Уже вечерело.

Дядя Ваню на прощание ободряюще похлопал меня по плечу. Я уже отвязывал лодку, когда он произнёс:

– А ведь это шла моя внучка, и она даже не знает, что мы с ней родня. Так тоже бывает. Галактика становится мельче песчинки.

– Да?

– Угу.

Легко оттолкнувшись от поросшей водорослями сваи, я прощально махнул рукой.

– Может, больше и не свидимся, дядя Ваню.

Лодка тихонько покачивалась на волнах.

– Всяко бывает...

Мне показалось, что его лицо погрузнело. Он всё понял. И попрощался.

Всем Крыльям. Говорит Капитан Алохаи. Начинаем действия в завершающей фазе, план отхода отправлен прямыми пакетами, приступаем по сигналу, проконтролируйте получение данных.

Он немного помолчал, раздумывая, не добавит ли ещё пару слов, но передумал.

Конец связи.

Всё. Кончено. Ожидая зеленых сигналов системы опове-

щения, он вывел на обзорную виртпанель собственное изображение. Насупленное, грозное и непоколебимое. Таким его видят парни во время сражения. В том было что-то от религиозного ритуала, отправления своего рода культа – в конце каждого сражения ему, чтобы удалить эту приставшую к лицу маску, приходилось подолгу всматриваться в незнакомо-го ему человека, роль которого ему поневоле приходилось играть. Не скажешь, что это жёсткое выражение лица было ему неприятно... просто это был не он.

Напряжённые черты, словно из камня вытесаны, сдвинутые брови, стекляняющие глаза, чуть оскаленный рот и глубокая складка на лбу. Попробовав улыбнуться, Капитан Алохаи скривился от боли в затекших мышцах. И эта челюсть, сжатая так, чтобы никто, не допусти Космос, не услышал лишнего. Никто на свете не узнает, что творится у него на душе.

Страшная, всё-таки, картина. Невероятно страшная. Продукт долгих лет яростной ломки и молчаливого потакания внутренним слабостям, лишь слегка прикрытым этой, как кажется со стороны, непробиваемой бронёй.

На сегодня всё заканчивается. Всему приходится заканчиваться. На графиках эффективность огня неуклюже ползла вниз. Силы у парней были на исходе, и, хотя контратаки кое-где ещё удавались, не оставалось ничего умнее отступления.

Ему ли не знать, что стоит за этими графиками...

Время послушно мигнуло и проглотило ещё час, проле-

тевший, словно один миг.

Выбирай левее, повторяю, двадцать градусов левее!

Только этого не хватало, потерять ещё одну машину. Отступление оказалось затяжным, мучительным, мы продолжали испытывать постоянные проблемы с координацией, Отряд приходилось сворачивать всё плотнее, и потому ситуация становилось ещё хуже.

Я резко повернул вверх и влево, заходя в хвост одному из атаковавших нас истребителей и отбросил веер его виртуальных траекторий назад своей очередью. Не лезь!

На большее сил уже не хватало. Только отгонять врага.

Попытавшись вспомнить, какая это по счету атака, я понял, что более бессмысленного сейчас занятия придумать сложно. Натиск следовал за натиском, контратака за контратакой, я же чувствовал себя кем угодно, только не прежним полузабытым человеком, переставая обращать внимание на какие бы то ни было детали окружающей меня тактической обстановки. Операция длилась уже более суток, за это время я и мой штурмовик как минимум трижды превысили свои лимиты, заслужив хороший отдых. Это как минимум. Лучше же сразу лазарет и ремонтный бокс.

Всё случилось именно в тот момент, я это помню с отчетливостью, достойной лучшего применения.

Хаотичный бег мыслей разом встал, наткнувшись на непреодолимую преграду. Это было как удар о стену.

С разбегу. Лбом. В углу панели, в строке состояния горели, корчились, переливались, сияли мертвенным голубовато-зеленым светом похожие на клубок насекомых, извилистые, скользкие и, вместе с тем, колючие... мета-символы Содружества Галактик. На всех частотах и по всем каналам разверзлась бездна мрака – приборы оборвали своё мерное бормотание. К планете летел, нёсся, проламывался сквозь пространство сигнал. Нет, он ещё только приближался, а руны уже кричали об информации высшего приоритета.

Летела, неслась, проламывалась сквозь пространство гранёным лезвием Песня глубин. То пело само жёсткое, шершавое и неживое нутро Вселенной. Галактика хрипела, забившись в истерику, символы рун разлились по всему сознанию, растягивая секунду в локальную бесконечность, затопляя тебя, уводя...

...на границе зсм системы силами космофлота галактики птерикс ведется бой огневая мощь недостаточна для эффективного подавления возможность успешной высадки десанта на планету высока враг сможет продержаться на орбите необходимое время для уничтожения всех соединений легиона ваш шанс не дать им плацдарма для закрепления уничтожьте планетарную колонию врага любой ценой до прибытия регулярных сил если успех тогда полетаем высшая честь умереть сделав всё возможное для победы преодолите себя большие песен не будет прорываюсь к вам во имя совета вечных и во славу жизни вперёд соорн-инфарх

сферика симах нуари регулярный флот галактики птерикс...

Песня стихала, угасая на задворках сознания, распадаясь на атомы и кварки, впитываясь в сознание целиком, до последней ноты. Скорбь, упорство, любовь, ненависть, страх, смелость... Все человеческие чувства, которые только бывают на этом свете, захлестнули меня неистовым ураганным потоком. словно энергозаряд взорвался у меня в черепе, осколки его рванули по нервам, заглушая собственные мысли, сводя судорогой мышцы и дробя кости. Я закричал, пытаюсь неподвижными, беспомощными руками вынуть *это* из меня, только бы *оно* замолчало.

Так я потом вспоминал.

Но мне не позволили. Какая-то иная сила пробудилась вместо меня. Будто новорожденный великан с восторгом посмотрел на этот мир и вдруг осознал правила игры, в которую ему предложили сыграть. Что это за великан, как он здесь оказался, нам не дано было знать, да мы и не задумывались. Разбуженное небесным гостем море огня уже захлестывало наше сознание. Наше общее сознание. Ибо слово «я» мне пришлось забыть, как и всю свою былую жизнь.

Словно демоны смерти, мёртвой хваткой уцепившись за капитанские машины, мы ворвались в передовые ряды преследовавшего нас вражеского строя. Вокруг меня рушился мир. Дальше четко помню только одно – индикатор расхода мощности далеко за красной чертой. И рёв генераторов. Гневный рёв.

Пикунок сидел, сжавшись в комочек, около своей норы и мечтал. Чего не помечтать, когда в желудке приятная тяжесть второго завтрака, правый бок нежится под первыми лучами Небесного Огня, а шкурка у тебя до того тёплая, густая и прекрасно вычищенная, что не страшны тебе ни северный ветер, ни промозглая сырость талого снега. Пикунок огляделся по сторонам и сощурился от удовольствия. Изумрудная травинка, торчащая из-под снега, тихонько колебалась под куполом почти такого же ярко-зелёного неба. Сглаженность линий сугробов, источенных ветрами за долгую и не очень снежную зиму, чёткая дорожка, протоптанная им, Пикунком, до обильных закровов, и его личный знак, перо странной птицы Сьюк, основательно, как он любил, вкопанное у входа в норку.

Всё было мило, привычно и уютно.

Мечтал он о настоящем лете, когда снег истончится, станет тяжёлым и плотным, а с южной стороны сыпучим и хрупким, тогда из-под земли полезут такие вкусные и сонные червячки. Тогда снова можно будет копать норы, хранилища... детскую он планировал построить ещё в позапрошлом году, да как-то было недосуг. Теперь он этим точно займется, противного соседа осенью залило и тот умер, даже не сумев выбраться из своих бездарных хороб, теперь Пикунка никто не будет отвлекать от главной цели: построить спальню для будущей жены, ту самую детскую, ещё пару амбаров про за-

пас, и тогда... Пикунок, повизгивая, принялся мечтать о толстенькой юной самочке, что, как ему показалось, была вполне благосклонна к нему в прошлом году. Теперь она вошла в возраст, теперь ей не устоять против его очарования.

Нет, как, всё-таки, хорошо!

Или нет?

Пикунок почему-то неожиданно забеспокоился. Что-то вползло в его мирок, что-то новое. Странное. Непонятное. Страшное. Что это такое, Пикунок никак не мог понять, его жизненный опыт не распространялся дальше ближайшего холма, трудно маленькому пушистому, лишь малой толикой разумному зверьку осознать окружающий мир.

А диссонансная нота уже звучала.

Повинуясь внезапному наитию Пикунок встал на задние лапки и задрал мордочку кверху, чего никогда в жизни не делал. Глаза его удивленно заморгали, силясь понять. Посреди белого дня в небе зажглась звезда.

Нет! Это была не звезда, звёзд не бывает днём! Нечто, огромное и ужасное, на чудовищной скорости неслось прямо на него!!!

Секунду зверёк смотрел на охваченный огнём шар. Низкий гул уже заполнил всё вокруг, закладывая уши, останавливая мысли, становясь нестерпимым.

Бежать. Скорее бежать! Юркнув в норку, Пикунок сделал то, что он всегда делал в случае опасности. Он ловко засыпал лаз и помчался по сложной системе подземных ходов

в сторону секретного выхода, туда, в сторону северного холма. Пикунок бежал изо всех сил, он в жизни так не бегал.

Но не успел.

Он просто не мог успеть.

Почва затряслась, посыпались камни с потолка, да ещё промороженная земля под лапами стала вдруг горячей и влажной. Захлопало, и стало душно.

Закрыв в страхе глаза, Пикунок прижался к стене лаза. Он, наконец, всё понял.

Старики говаривали, что недра небесных хлябей населены ангелами мщения, и время от времени они приходят сюда за теми, кто не угодил вышним силам.

И тогда он закричал во весь свой слабеющий голос:

«Почему я?»

Но ему никто не ответил, раздался тяжкий грохот, удар и наступила полная тишина.

«Почему я...» – шепотом молил Пикунок, но напрасно, невидимая сила уже пронзала его хрупкое тельце. Посмотрев на лапки, которыми он утирал бесполезные слёзы, зверек увидел, что они все в крови. Жутко запульсировало в голове, кровь уже хлестала из носа, рот заполнился едкой слюной, мысли стали путаться.

Пикунок издал последний визг и завалился набок. Его задняя лапка в последний раз дрогнула и застыла.

Навалился мрак.

«За что... за что... за...»

Жизнь покинула его тело.

А костёр адского пламени уже пел погребальную песнь над могилой неведомого космического существа, приведшего с собою смерть.

Покореженный штурмовик сильно кренило влево, так и не отстрелившаяся орудийная установка продолжала раз за разом с ужасающей силой бить в борт машины. Всё вокруг содрогалось, но я как сквозь сон продолжал орать бортовому серебру, надеясь лишь на то, что хоть он не сошёл с ума в этой передрыге.

Если постараться, то можно вспомнить, как ещё какой-нибудь час назад меня продолжало интересовать, что я, где я... смешно. В настоящий момент все мои интересы были сфокусированы на одном:

– Серебр! – орал я. – Курс! Держать курс!!!

Нос «Баньши», вернее то, что от него осталось, мучительно и косо заходило на столб жирного чёрного дыма, вяло вываливающего из-за горизонта.

П-поверхность б-близк... возможн-но... – вдруг откликнулся серебр.

Всё-таки жив, дурнина.

– Плевать! Держать курс!!!

Что-то добела раскаленное промелькнуло слева. Ой! Поля же... Хотя, идиот, какие у тебя теперь поля.

Враг – плевать, топливо – плевать!

Выполнить свой долг, последнее, что мне оставалось. Помочь Капитанам.

И опять я, с упорством бульдога, повисшего на ухе тигра, все пёр и пёр, презрев всё на свете... Хоть снег больше не шёл, ведь сетка наведения осталась в далёком прошлом, внешние рецепторы работают, хоть какое-то представление о происходящем получаешь, а не то уже бы лежал на грунте кучкой коптящих обломков. Хоть бы наведение... А зачем мне наведение? Огневой всё равно не осталось.

– Курс, твою душу мать, – устало выругался я, – держи... курс...

И, подстегиваемый таким образом, cerebr выдюжил. Выжимая последние соки из умирающего генератора, доковылял до чёрного выжженного круга среди покрытых снегом, а местами коптящих корпусов какого-то промышленного объекта. Вибрация, пронизывающая машину, возросла уже до опасного предела, так что, прижимая ладонью последний функционирующий сектор на сенспанели, я почувствовал наконец толику облегчения.

Катапультирование! – почему-то очень внятно произнёс напоследок синтезированный голос cerebr.

Удар в спину с жутким скрежетом вырвал меня из гнезда, в котором я покоился с самого момента старта на старой Базе. Что-то сработало нештатно, вокруг меня замелькали искромсанные оболочки моего штурмовика, но я был цел и уже спокойно летел по дуге чуть в сторону от места

будущей жёсткой посадки. Чего ещё желать.

Наконец-то. Полная свобода, радость движений и нормально функционирующий «защитник». Чтобы оценить это богатство, нужно увидеть своими глазами, как твой штурмовик начисто срезает огромный заснеженный холм в паре километров от тебя. Отлетался, бродяга, усмехнулся я. Тогда мне подобная мысль показалась презабавной.

Мне удалось легко вернуть себе в полёте ориентацию, мягко спружинив на четыре точки. Не очень эстетично, зато меньше нагрузка на экзоскелет. Одно движение, и вот я уже стою на твердом грунте. Не желающий таять местный снег мягко скрипнул под широкими ступнями. От умиротворённости звука отчаянно защипало в носу. Я, видимо, окончательно отвык слышать что бы то ни было, кроме грохота, рёва, визга и крика.

Настроение подскочило до неведомых высот, и я тут же буквально вприпрыжку понесся к Капитанам, туда, где на краю покрытого сажей пятна были видны остовы их машин.

Ещё больше я обрадовался, увидев следы чужого «защитника», ведущие в сторону одного из ближайших ангаров. Следы странные, слишком глубокие – даже скрытый под не убраным снегом бетон был заметно продавлен. Что это у Капитана такой «защитник» тяжелый, почти как у бронепехов. И где Второй?

Ничего. Теперь найдётся. Самое плохое позади. Прорвём-

ся.

В совсем уже приподнятом настроении я ворвался под крышу огромного пустого здания, и...

Сердце оборвалось, крик радости замер на губах, а желудок судорожно дёрнулся вниз.

Только теперь я сообразил, что значили те глубокие следы.

«Защитник» Капитана Ковальского держал на вытянутых руках то, что осталось от Капитана Алохаи. Ног не было, одна из армированных «рук» держалась на остатках изжёванного экзоскелета. Чудовищная вмятина на груди обнажала покромсанные куски биосьюта.

Капала кровь пополам с техническим гелем.

Малые сервомехи осторожно освобождали то, что осталось, от мёртвого уже н-фазного хлама внешней оболочки. Сверкнула пика нейтринного конуса и деформированная бронеплита упала на покрытый изморозью пластик.

Как же так.

Джон умирал.

Я сумел при помощи Отрядного извлечь его из остатков «защитника», обработанные лазерным коагулятором ткани перестали кровить, но толку всё равно было мало. Отказывали почки, печень, на очереди было сердце, пропитанное не вовремя насытившей ткани химией. Микронасосы в центральной кровеносной продолжали поддерживать на-

сыщение крупных органов залитой фторорганикой кровью, но долго ему так не протянуть. Нужен госпитальный бокс и, я подумал об этом без привычного содрогания, регенерационный саркофаг. Который остался где-то там, далеко, и между ним и нами троими лежала тысяча километров чужой земли.

– Джон, ты будешь жить, запомни это.

Он словно нехотя повернул ко мне голову. Посмотрел, не говоря ни слова. Откуда у него эти страшные морщины? Кожа стала словно прозрачный пергамент, синева просвечивает, каждая жилка как на ладони. Взор оставался ясен, но на дне глаз уже зияла отрешенность. Если бы можно было хотя бы оттащить Джона подальше от этой кошмарной окровавленной кляксы на снегу.

– Рэд, мне же видны отчёты... Организм разваливается, я сам чувствую это. Пытаюсь завести хотя бы одну почку, да и стимуляторы ещё работают, но... у нас мало времени, Рэд.

На лбу Джона напряглась жилка, и у меня в тот миг отчаянно защемило сердце – его боль отчетливо чувствовалась даже через разделяющие нас сантиметры. Слишком долгое время мы старались быть одним целым, слишком часто эта незримая связь спасала наши и не только наши жизни. Даже теперь у меня, нового, незнакомого, не хватало сил её оборвать. Он снова закашлялся, выплёвывая красную росу на измочаленные оболочки мёртвого биосьюта. Начался распад лёгких.

– Зачем ты в это ввязался, Рэд?

– Не болтай чепухи, я должен был тебя вытащить, мы с Отрядным тебя доставим на Базу, всё будет хорошо.

Он покачал головой. Хорошо покачал, энергично.

– Я не о сегодняшней передрыге. Я о Десанте. Это была ошибка, Рэд, ещё там, на Аракоре.

– Сейчас не время вспоминать какие-то...

– Помолчи, Рэд, сейчас моё время говорить.

Я заткнулся.

– Слушай меня, Капитан. Ради памяти всего, что тебе дорого, уходи из Десанта как можно быстрее, пока не стало поздно, – единственная уцелевшая рука с неожиданной силой вцепилась мне в рукав, голос его стал горячечным, возбужденным. – Формально ты не имеешь права больше командовать Легионом в одиночку. Максимум – до перестроения. После всего сегодняшнего за этим вопрос не станет. Тебя переведут... позовут в Адмиралтейство, дадут Майора, а там... ты не можешь чувствовать это сам, а я видел, видел всё это время, эти твои голоса... Тебя уведёт в такие дали, что не пожелаешь и врагу. Беги отсюда. Воевать должны молодые. Старики должны думать о доме. Здесь тебе не место. И никогда места не было. Умоляю, только не плыви по течению, ты можешь бороться с собой, верь мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.